

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики её преподавания

Алексейцев Илья Сергеевич

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

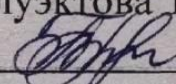
**ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
«ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н.В. ГОГОЛЯ
(МАТЕРИАЛЫ К ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ)**

Направление подготовки 44.03.01. Педагогическое образование
Направленность (профиль) Филологическое образование

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой
д-р.филол.наук доцент
Полуэктова Т.А.

07.05.2026

(дата, подпись)

Руководитель
канд. филол. наук,
доцент Новоселова Н.А.

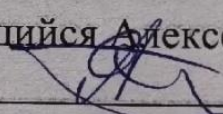
15.06.26 Нел

(дата, подпись)

Дата защиты: «22» июня 2026 г.

Обучающийся Алексейцев И.С.

15.06.26

(дата, подпись)

Оценка: хорошо

Красноярск, 2026

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические подходы и исследовательские стратегии изучения петербургского цикла Н. В. Гоголя	8
1.1. Социально-исторический метод исследования: возможности выявления авторских замыслов	9
1.2. Интерпретации петербургского цикла в филологии (1990-е — начало 2020-х годов)	11
1.2.1. Философские аспекты (1990-е — начало 2020-х годов)	11
1.2.2. Христианские интерпретации (1990-е — начало 2020-х годов)	12
Глава 2. Основные философские идеи в сборнике «Петербургские повести»	14
2.1. Художественное воплощение оппозиции внешнего и внутреннего в повестях Н. В. Гоголя «Невский проспект» и «Портрет»	16
2.2. Проблема соотношения эстетического и этического начала в художественном произведении «Портрет»	17
2.3. Экзистенциальные аспекты конфликта смирения и бунта в повестях «Шинель» и «Записки сумасшедшего». Судьба персонажа как проявление предопределенности человеческого существования	19
Глава 3. Практический анализ проблематики «Петербургских повестей» в исследовательской работе учащихся старших классов	22
3.1. Изучение проблематики в сборнике «Петербургские повести» в рамках факультативных занятий: от этапа непосредственного восприятия к глубинному философскому анализу	23
3.1.1. Исследование пространства симулякров и ложного фасада в повести «Невский проспект»	24

3.1.2.	Анализ категории таланта и путей религиозно-нравственного искупления в повести «Портрет»	26
3.1.3.	Раскрытие феномена сословного отчуждения и абсурда бытия в повести «Записки сумасшедшего»	29
3.1.4.	Дешифровка мотивов вещного порабощения и фатализма в повести «Шинель»	30
3.2.	Практическая работа по «Петербургским повестям» Н. В. Гоголя	33
3.2.1.	Проектирование пространственно-семиотической лаборатории по повести «Невский проспект»	34
3.2.2.	Пооперационный алгоритм ролевого интерактивного моделирования по повести «Портрет»	36
3.2.3.	Организация эвристического практикума по дневниковой прозе в повести «Записки сумасшедшего»	38
3.2.4.	Методические основы развёртывания герменевтической мастерской по повести «Шинель»	39
3.3.	Выводы и методические рекомендации	41
	Заключение	48
	Библиографический список	49
	Приложения	52

Введение

Актуальность темы исследования. Модернизация современного филологического образования, продиктованная введением в 2023–2025 годах Федеральных образовательных программ (ФОП), выдвигает принципиально новые требования к результатам освоения классического литературного наследия. Согласно актуальным нормативным регламентам, приоритетной задачей школьного изучения словесности становится не просто репродуктивное освоение сюжетов, а формирование у учащихся навыков концептуального анализа художественных моделей бытия, опыта аксиологической рефлексии и ценностно-мировоззренческого самоопределения [1; 2]. В этом контексте особое значение приобретает изучение наследия Н. В. Гоголя, в частности его петербургского цикла повестей, представляющего собой вершину этико-философских и религиозно-нравственных исканий писателя.

Однако анализ действующей школьной практики и реального распределения учебного времени в рамках инвариантной сетки календарно-тематического планирования (КТП) обнаруживает острое системное противоречие. Официальные Федеральные рабочие программы по литературе базового уровня полностью исключают монографическое изучение петербургского цикла в старших (10–11) классах. В свою очередь, в программе 9 класса весь фиксированный инвариантный гоголевский блок объемом в 8 часов целиком поглощается разбором поэмы «Мертвые души». Единственным текстом петербургской эстетики, включенным в обязательный минимум среднего звена, оказывается повесть «Шинель», изучаемая в 8 классе, то есть в возрасте 13–14 лет.

Нам представляется очевидным, что в силу возрастных психологических особенностей восприятия искусства подростки на данном этапе неизбежно оказываются зажаты в тисках барьера «наивного реализма». Читательский эгоцентризм и отсутствие сформированного понятийного мышления приводят к тому, что сложный гоголевский метатекст воспринимается школьниками упрощенно — сугубо на уровне иллюстративно-бытовой жалости к материальной бедности «маленького человека». Такие фундаментальные, онтологически глубокие произведения цикла, как «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего», вовсе вытесняются ФОП из урочного пространства. В результате старшеклассники оканчивают школу, так и не соприкоснувшись с гоголевскими философскими категориями симулякров, аксиологического раскола и экзистенциального отчуждения личности.

Потребность в разрешении этого кризиса между государственными требованиями к мировоззренческому развитию юношества и жесткой ограниченностью урочных часов определяет необходимость проектирования гибких моделей внеурочной деятельности. Организация предпрофильного факультативного курса для учащихся 9–11 классов выступает на сегодняшний день единственным легитимным способом вернуть петербургский текст Н. В. Гоголя в фокус исследовательского внимания школьников на этапе их раннего юношеского самоопределения (15–17 лет) [24; 32]. Философский потенциал цикла, актуализирующий вопросы личной ответственности человека за свой божественный дар и сохранения душевной чистоты перед лицом материальных соблазнов, оказывается максимально созвучным внутренним исканиям этого возраста, что и обуславливает острую практическую актуальность нашей выпускной квалификационной работы.

Степень научной разработанности темы. Теоретический фундамент исследования философско-эстетической природы петербургского текста Н. В. Гоголя заложен в классических трудах таких академических литературоведов, как В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум, Ю. В. Манн, В. М. Маркович и С. Г. Бочаров [12; 14; 31; 33; 41]. Христианский и аксиологический векторы интерпретации цикла подробно представлены в работах И. А. Виноградова и Ч. де Лотто. В области психолого-педагогической науки и методики преподавания словесности базовыми для нас послужили исследования О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана и Н. А. Новиковой, детально обосновавшие принципы проблемного обучения и закономерности эволюции читательского восприятия школьников [32; 35; 36]. Вместе с тем, несмотря на обилие литературоведческих и методических источников, проблема системного переноса целостного философского контекста «Петербургских повестей» (за исключением изолированного разбора «Шинели») в практику внеурочной работы современной школы с учетом новых ФОП-ориентиров до сих пор оставалась без должного внимания, что определяет научную новизну данного исследования.

Объектом исследования выступает процесс изучения творчества Н. В. Гоголя во внеурочной деятельности учащихся старших классов общеобразовательной школы.

Предметом исследования являются методические условия и педагогические приемы изучения философской проблематики сборника «Петербургские повести» Н. В. Гоголя (на примере повестей «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Шинель») в рамках предпрофильного факультативного курса для учащихся 9–11 классов.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании, разработке и экспериментальной проверке комплексной методической системы изучения философской проблематики петербургского цикла Н. В. Гоголя во внеурочной деятельности, обеспечивающей преодоление барьера «наивного реализма» и развитие рефлексии учащихся старших классов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить социально-исторические и теоретико-литературные подходы к исследованию петербургского метатекста Н. В. Гоголя в современном литературоведении.
2. Проанализировать философские и религиозно-нравственные аспекты оппозиции внешнего фасада и внутреннего наполнения личности в повестях «Невский проспект» и «Портрет».
3. Исследовать экзистенциальные маркеры конфликта смирения и бунта, мотивы вещного порабощения и онтологического фатализма в повестях «Записки сумасшедшего» и «Шинель».
4. Выявить специфику и барьеры читательского восприятия философских пластов гоголевской прозы учащимися на этапе перехода к раннему юношескому возрасту.
5. Разработать и пошагово спроектировать программу факультативного курса «Философские контексты „Петербургских повестей“ Н. В. Гоголя» для учащихся 9–11 классов на основе технологии проблемного обучения.
6. Экспериментально проверить эффективность предложенных методов и приемов в практике внеклассной работы, систематизировав итоговые методические рекомендации для учителей-словесников.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что изучение философской проблематики «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя во внеурочной деятельности старшеклассников станет эффективным и обеспечит глубокое герменевтическое осмысление текста, если:

- произведения цикла будут изучаться не изолированно, а как единое метатекстовое пространство, объединенное общими лейтмотивами отчуждения, абсурда и онтологического двоемирия;
- педагогическое проектирование курса опобрется на учет возрастных психологических особенностей учащихся 9–11 классов, находящихся в фазе активного мировоззренческого самоопределения;
- ведущим технологическим инструментом факультатива станет проблемное обучение, развернутое через систему оригинальных деятельностных форм

(филологическая лаборатория, ролевой суд, эвристический практикум, герменевтическая мастерская), разрушающих барьер «наивного реализма»;

- аналитическая работа школьников свяжет эстетическую структуру гоголевских символов с дешифровкой скрытого этического и религиозно-философского замысла автора.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные труды по теории литературы и поэтике (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Е. Хализев) [5; 7; 28]; исследования в области возрастной психологии и психологии искусства (Л. С. Выготский, И. С. Кон) [15; 24]; концепции проблемного обучения и читательского развития в методике преподавания литературы (О. Ю. Богданова, В. Г. Маранцман) [32; 35].

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: теоретический анализ литературоведческих, психологических и методических источников; сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов; нормативный аудит Федеральных образовательных программ и КТП; метод педагогического проектирования и моделирования внеклассных занятий; анкетирование и качественный анализ читательских реакций учащихся.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации литературоведческих интерпретаций петербургского текста Н. В. Гоголя и в научно-методическом обосновании интеграции философского контекста классики в систему внеурочной деятельности предпрофильной школы.

Практическая значимость исследования определяется тем, что разработанное тематическое планирование, технологический реестр эвристических заданий, матрицы читательских тупиков и сводные аналитические таблицы могут быть непосредственно внедрены в практику работы учителей-словесников средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев, а также использованы старшеклассниками как глубокая аргументативная база при подготовке к написанию итогового выпускного сочинения.

Глава 1. Теоретические подходы и исследовательские стратегии изучения Петербургского цикла Н.В. Гоголя

Прежде чем перейти к проектированию конкретных методических моделей внеурочной деятельности и описанию хода факультативных занятий, нам необходимо развернуть прочный научно-литературоведческий фундамент нашего исследования. Невозможно организовать адекватный герменевтический анализ философской проблематики «Петербургских повестей» в старших классах, не опираясь на фундаментальные достижения отечественного гоголеведения. Понимание скрытых этико-религиозных смыслов, заложенных автором в художественную ткань цикла, требует от исследователя четкого осознания того, как менялись и развивались подходы к интерпретации этого метатекста в академической науке. Системный аналитический обзор ключевых исследовательских стратегий позволяет нам не просто верифицировать собственную филологическую позицию, но и отобрать тот категориальный аппарат, который в дальнейшем послужит главным инструментом для разрушения возрастного барьера «наивного реализма» учащихся старших классов [33, с. 12].

Отечественная филологическая мысль на протяжении почти двух столетий мучительно и глубоко вглядывалась в художественное пространство гоголевского Петербурга, пытаясь разгадать его онтологические тайны. Академическое гоголеведение прошло сложнейший эволюционный путь: от первичных критических откликов современников писателя, зафиксировавших рождение новой городской эстетики, до масштабных структуралистских, семиотических и христианско-аксиологических концепций рубежа двадцатого и двадцать первого веков. Каждая эпоха выдвигала свои приоритетные исследовательские стратегии, высвечивая полярные грани гоголевского двоемирия. Тщательный разбор этих подходов необходим нам для того, чтобы уйти в школьной практике от упрощенного, иллюстративно-бытового толкования повестей и продемонстрировать старшеклассникам универсальный, экзистенциальный характер гоголевских конфликтов, связывающих земной фасад имперской столицы с вечными законами человеческого бытия [31, с. 413].

Следовательно, в рамках первой главы нашего исследования мы ставим перед собой задачу подробно структурировать и осмыслить ключевые вехи в изучении петербургского метатекста Н. В. Гоголя. В фокус нашего теоретического внимания последовательно выносятся возможности и границы классического социально-исторического метода, долгое время определявшего школьную траекторию прочтения классики, а также новейшие филологические интерпретации конца двадцатого — начала двадцать первого веков. Нам представляется важным детально

дифференцировать философский и христианский векторы прочтения сборника, представленные в трудах ведущих современных гоголеведов. Подобная теоретическая систематизация позволит нам выявить наиболее продуктивные литературоведческие подходы, способные стать содержательной основой для разработки программы нашего предпрофильного факультативного курса.

1.1. Социально-исторический метод исследования: возможности выявления авторских замыслов

Развертывание полноценного литературоведческого анализа художественного наследия Н. В. Гоголя традиционно опирается на возможности социально-исторического метода исследования. Данная научная стратегия, зародившаяся еще в недрах прижизненной критики, позволяет исследователю обнаружить прочные генетические связи между конкретно-историческими реалиями эпохи Николая I и их эстетическим преломлением в пространстве художественного текста. Изучение петербургского метатекста в рамках этого подхода требует от филолога скрупулезного восстановления деталей столичного быта девятнадцатого века, сословной иерархии, особенностей функционирования государственной бюрократической машины и специфики топографии имперского Петербурга [31, с. 12]. Вслед за академическим гоголеведением мы констатируем, что без понимания этого реального историко-бытового контекста адекватная дешифровка авторских замыслов и философских смыслов сборника становится принципиально невозможной, поскольку именно социальная среда столицы выступает у Гоголя первоначальной формой воплощения всеобщих законов бытия [29, с. 413].

Становление социально-исторического взгляда на творчество писателя неразрывно связано с именами В. Г. Белинского и представителей натуральной школы. В рамках этой критической традиции «Петербургские повести» рассматривались преимущественно как образцы беспощадного реализма и острой социальной сатиры, направленной на разоблачение уродливых сторон сословного общества. Основной акцент исследователи этого направления делали на детальном описании тяжелой судьбы бедного чиновника, бесправного ремесленника или нищего художника в условиях равнодушного мегаполиса. Как отмечает в своих трудах литературовед Б. М. Эйхенбаум, ранняя критика заложила прочную традицию восприятия Гоголя как писателя-социолога, открывшего для русской литературы тему «маленького человека» и зафиксировавшего трагическую деформацию человеческой личности под воздействием чиновничества и бюрократического диктата Табели о рангах [41, с. 456].

В советский период гоголеведение социально-исторический метод получил свое монопольное развитие в рамках марксистско-ленинской методологии. В фундаментальных монографиях М. В. Храпченко и С. И. Машинского петербургский цикл анализировался сквозь призму классовых противоречий и жесткого социального детерминизма [32, с. 432; 40, с. 535]. Исследователи этой эпохи провели колоссальную работу по реальному комментированию текстов, подробно расшифровав структуру министерских департаментов, специфику жалованья титулярных советников, значимость сословных маркеров (таких как вицмундир или шинель) и топографические координаты повестям. С точки зрения советской филологической науки, безумие Поприщина или смерть Башмачкина трактовались исключительно как закономерный итог классового угнетения и деструктивного воздействия капиталистического города, стирающего индивидуальность человека и превращающего его в ничтожный винтик государственной машины.

Нам представляется важным подчеркнуть, что социально-исторический метод обладает глубоким потенциалом для выявления первоначальных авторских замыслов. Он позволяет исследователю реконструировать ту эмпирическую реальность, от которой отталкивался Гоголь, превращая живые наблюдения в грандиозные художественные обобщения. Знание топографии Невского проспекта, понимание разницы между Коломной и парадным центром города, дешифровка сословных кодов одежды — все это служит необходимым ключом для входа в герменевтическую ткань произведения. Как убедительно доказывает Ю. М. Лотман в своих исследованиях по семиотике Петербурга, городское пространство в русской культуре изначально строилось как искусственный, знаковый макрообраз, где социальный фасад имперской власти вступал в непримиримое противоречие с естественной человеческой жизнью [27, с. 30]. Социально-исторический подход помогает филологу зафиксировать этот первичный раскол между внешним блеском столицы и внутренней ущемленностью ее обитателей.

Однако, признавая колоссальные заслуги и возможности социально-исторического метода, современное гоголеведение четко формулирует границы его применения. Узкосоциологическое толкование повестей, доминировавшее в школьных учебниках на протяжении десятилетий, таит в себе серьезную методическую опасность. Сведение философских коллизий Гоголя к простой иллюстрации быта николаевской эпохи и пассивной жалости к бедному клерку искусственно сужает масштаб писательского гения. Как справедливо указывает В. М. Маркович, Гоголь никогда не был реалистом в банальном, бытописательском смысле этого слова; социальная ущемленность его персонажей — это не конечная цель анализа, а лишь внешняя форма, земной фасад для воплощения универсального

экзистенциального и метафизического кризиса человеческого духа [31, с. 120].

Следовательно, социально-исторический метод должен восприниматься в современном литературоведении и школьной практике не как самодостаточная цель, а как обязательный начальный этап герменевтического поиска. Он дает исследователю прочную фактологическую опору, защищая анализ от беспочвенных модернизаций и субъективных натяжек. Восстанавливая социальную правду эпохи, филолог получает возможность увидеть, как конкретные исторические детали — будь то червонцы ростовщика в «Портрете» или бред о Табели о рангах в «Записках сумасшедшего» — перерастают рамки своего времени и превращаются в вечные философские категории, характеризующие трагическую предопределенность человеческого существования. Это понимание границ и возможностей метода позволяет логично перейти к анализу новейших интерпретаций цикла, развернувшихся в филологии рубежа веков.

1.2. Интерпретации петербургского цикла в филологии (1990-е — начало 2020-х годов)

Существенное обновление методологических парадигм в отечественном литературоведении на рубеже веков привело к переосмыслению классического наследия Н. В. Гоголя. Освобождение филологической науки от жесткого диктата социологического детерминизма позволило исследователям обратиться к анализу метафизической, онтологической и религиозной глубины его произведений [19, с. 310]. В период с 1990-х по начало 2020-х годов в гоголеведении сформировались две ключевые, тесно взаимосвязанные исследовательские стратегии. Первая из них концентрирует внимание на философско-экзистенциальных аспектах поэтики двоемирия, а вторая — на экспликации скрытых христианских подтекстов и аксиологических оснований художественного мира писателя.

1.2.1. Философские аспекты (1990-е — начало 2020-х годов)

Развертывание философского вектора в изучении петербургского текста Н. В. Гоголя связано с именами таких исследователей, как Ю. В. Манн, В. М. Маркович и С. Г. Бочаров [9; 31; 33]. В рамках данной филологической стратегии художественное пространство имперской столицы осмысливается не как простая географическая или социальная декорация, а как самостоятельная онтологическая категория — город-фантом, зона тотальной

симуляции и метафизического обмана. Литературоведы этого направления доказали, что за конкретными сюжетами о несчастных художниках и мелких чиновниках скрывается универсальная философская драма человеческого духа, зажатого в тиски иррационального земного бытия.

Важнейшей вехой в разработке этого подхода стали труды Ю. В. Манна, зафиксировавшие категорию двоемирия в качестве поэтической доминанты гоголевского мира [31, с. 413]. Исследователь убедительно продемонстрировал, что у Гоголя материальный фасад реальности постоянно колеблется и двоится, обнаруживая за внешним социальным глянцем пустоту или присутствие деструктивных инфернальных сил. Трагедия Пискарёва или Чарткова интерпретируется Ю. В. Манном не как следствие материальной бедности, а как результат онтологического раскола между этической сущностью человека и обманной эстетической формой окружающего мира. Подобный взгляд позволяет перевести школьный анализ из плоскости иллюстративного бытописания в русло экзистенциальной философии.

Концептуальным продолжением этих идей стали исследования В. М. Марковича, сосредоточившегося на изучении категорий хаоса, абсурда и фатализма в судьбах персонажей петербургского цикла [33, с. 120]. Литературовед доказал, что гоголевский «маленький человек» изначально поставлен автором в ситуацию трагической предопределенности существования. Бунт Попришина против канцелярского регламента или посмертное появление призрака Башмачкина дешифруются В. М. Марковичем как иррациональная попытка разума вырваться из жестких рамок бездушной системы бытия, которая неизбежно заканчивается метафизическим тупиком и распадом личности. Философские интерпретации рубежа веков открывают новые возможности для педагогического проектирования факультативных занятий, позволяя актуализировать личную смысловую рефлексию учащихся старшего школьного возраста.

1.2.2. Христианские интерпретации (1990-е — начало 2020-х годов)

Параллельно с философским вектором в гоголеведении конца двадцатого и начала двадцать первого века шло активное развертывание христианско-аксиологической исследовательской стратегии. Возвращение к религиозным основам творчества писателя позволило филологам вскрыть глубокие духовные пласты, которые на протяжении десятилетий игнорировались узкосоциологической наукой. В монографиях И. А. Виноградова и исследованиях Ч. де Лотто петербургский цикл рассматривается как единый этико-религиозный метатекст, где центральное

место занимает проблема грехопадения, покаяния и личной ответственности человека перед Богом [13, с. 40].

Фундаментальный вклад в разработку этого направления внес И. А. Виноградов, восстановивший прочные связи между художественной прозой Гоголя и традициями православной святоотеческой аскезы. Исследователь доказал, что в основе трагедии каждого персонажа цикла лежит ситуация ценностной деформации и сотворения тленного земного кумира. Так, с точки зрения И. А. Виноградова, увлечение создателя портрета пугающей земной натурой ростовщика во второй части «Портрета» является актом ценностного падения мастера, осквернившего божественный дар ради материи. Противовесом этому грехопадению выступает путь монастырской аскезы и молитвы художника-отца, восстанавливающего сакральную чистоту своей кисти. Без этого христианского контекста адекватная дешифровка авторской позиции Гоголя становится невозможной.

Ювелирным подтверждением продуктивности этой религиозной стратегии служат труды Ч. де Лотто, посвященные детальному герменевтическому анализу повести «Шинель» [13, с. 42]. Исследовательница вскрыла в тексте повести сложную христианскую метафорику, соотнеся жизненный путь Акакия Акакиевича со ступенями духовной лестницы (лествицы). До сотворения кумира из вещи Башмачкин находится в состоянии почти монашеского покоя, довольствуясь малым и смиренно переписывая буквы. Однако появление шинели трактуется Ч. де Лотто как роковое искушение материей, приводящее к духовному порабощению духа вещью и уводящее душу героя в стихию inferнального хаоса.

Из этого обзора филологических достижений логично вытекает вывод о том, что интеграция философских и христианских интерпретаций рубежа веков в систему внеурочной деятельности современной школы позволяет полностью преодолеть возрастной читательский барьер старшеклассников, переводя восприятие классики с репродуктивного уровня на высокий аналитико-герменевтический.

Глава 2. Основные философские идеи в сборнике «Петербургские повести»

Переходя к детальному текстуальному и литературоведческому анализу сборника «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, мы считаем необходимым сначала концептуально очертить те философские доминанты, которые организуют внутреннее пространство этого классического метатекста. Вторая глава нашего исследования призвана перевести теоретические наработки и исследовательские стратегии гоголеведения, систематизированные нами ранее, в плоскость прямого филологического разбора художественной ткани произведений [31, с. 413]. Без выявления сквозных онтологических, этико-эстетических и экзистенциальных констант гоголевского мира невозможно спроектировать адекватную методическую систему внеурочной деятельности старшеклассников, поскольку именно эти категории должны стать ключевыми ориентирами для преодоления барьера «наивного реализма» учащихся [33, с. 120].

Художественная архитектура петербургского цикла Гоголя представляет собой не просто хронологическую последовательность отдельных бытовых сюжетов, а целостную, глубоко продуманную модель бытия. Писатель разворачивает перед читателем грандиозное полотно имперской столицы, где за парадным глянцем, сословными чинами и вещным блеском скрывается глубокий духовный вакуум и присутствие деструктивных инфернальных сил. В рамках данной главы в фокус исследовательского внимания последовательно выносятся ключевые философские оппозиции, пронизывающие весь цикл. Мы обращаемся к изучению пространственного двоимирия, выраженного в непримиримом расколе внешнего фасада и внутреннего наполнения реальности, а также к анализу трагического конфликта этического и эстетического начал, определяющего онтологический выбор гоголевского художника.

Следовательно, логика развёртывания второй главы подчинена задаче скрупулёзного герменевтического исследования конкретных гоголевских текстов в их взаимосвязи. Мы ставим перед собой цель подробно проследить, как универсальные категории хаоса, абсурда и фатализма преломляются в судьбах персонажей сборника. Экзистенциальные коллизии смирения и бунта «маленького человека» рассматриваются нами не как узкосоциальные маркеры эпохи, а как глубокое проявление предопределённости человеческого существования в порочном земном пространстве. Результаты этой литературоведческой систематизации послужат содержательным и концептуальным ядром для последующего методического моделирования нашей программы предпрофильного факультативного курса для учащихся старших классов [35, с. 115].

2.1. Художественное воплощение оппозиции внешнего и внутреннего в повестях Н. В. Гоголя «Невский проспект» и «Портрет»

Центральной философско-эстетической константой, определяющей архитектуру всего гоголевского петербургского метатекста, выступает непримиримое противоречие между обманным внешним фасадом реальности и ее скрытым внутренним наполнением. В художественной онтологии писателя имперская столица предстает не просто как географическая локация, а как особое пространство тотальной симуляции, где вещественный блеск, социальные маркеры и сословные маски окончательно вытесняют живую человеческую сущность. Наиболее рельефно эта фундаментальная оппозиция внешнего и внутреннего разворачивается в пространственно-семантической структуре повестей «Невский проспект» и «Портрет» [29, с. 413]. Как справедливо отмечает исследователь В. М. Маркович, Гоголь моделирует ситуацию глобального двоения, в которой ослепительная видимость земного благополучия оказывается лишь инфернальной ловушкой, скрывающей под собой духовный вакуум и хаос [33, с. 120].

В повести «Невский проспект» эта оппозиция задается с самых первых строк через детальное, гротескное описание центральной столичной улицы. Панорама проспекта раскрывается автором как грандиозная выставка социальных синекдох, где вместо живых человеческих личностей по тротуарам движутся изолированные сословные атрибуты и предметы гардероба. Гоголь сознательно лишает толпу человеческих черт, демонстрируя полную победу внешнего глянца над внутренним содержанием: *«...здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства... Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью невыразимые... дамские рукава, которые так изящно поднимаются...»* [2, т. 3, с. 12]. Вслед за Ю. М. Лотманом мы констатируем, что в этой художественной модели человек полностью деперсонализируется, растворяясь в чиновничестве и знаковой системе должностных регламентов, за фасадом которых не остается места для индивидуального духа [28, с. 30].

Трагический раскол между идеальной внешней формой и уродливой внутренней изнанкой бытия становится источником экзистенциальной катастрофы художника Пискарева. Нам представляется важным подчеркнуть, что драма этого персонажа выходит далеко за рамки банальной любовной интриги или романтического разочарования юноши. Пискарев, обладающий хрупким творческим мировоззрением, сталкивается с метафизической невозможностью примирить божественную эстетическую красоту незнакомки с ее этической грязью и пошлостью, обнажившейся в пространстве публичного дома. Гоголевский текст с предельной экспрессией

срывает маску с этого двоимирия: *«Она сидела у окна... и была так же хороша, как и прежде... Но в лице её было что-то такое дикое, такое нагноение... Она открыла свои прекрасные уста и начала говорить такую пошлость, такую глупость...»* [2, т. 3, с. 21]. Сумасшествие и последующее самоубийство мастера дешифруются в литературоведении как неизбежный финал столкновения чистого духа с inferнальным пространством Петербурга, где прекрасная форма является лишь обманным инструментом деструктивных сил.

Полным аксиологическим противовесом Пискарёву в повести выступает поручик Пирогов, чье внутреннее, духовное измерение полностью атрофировано. Этот герой живет исключительно в границах внешнего светского глянца, благодаря чему демонстрирует идеальную приспособляемость к абсурду столичного существования. Получив жестокое, унижительное оскорбление в доме жестянщика Шиллера, Пирогов легко нивелирует ценностный кризис с помощью житейского прагматизма, кондитерских слоев и вечерних газет. Гоголь подчеркивает эту механистическую, бездушную природу персонажа через простые бытовые детали: *«...поручик Пирогов... в тот же вечер шел по Невскому проспекту, смотрел на окна, заводил разговор с дамами и, наконец, отправился в кондитерскую...»* [2, т. 3, с. 35]. Филологический анализ этой пары персонажей подводит нас к выводу, что в порочном пространстве города подлинное бытие мастера обречено на гибель, в то время как плоская, пустая видимость празднует свой социальный триумф [33, с. 120].

В повести «Портрет» оппозиция внешнего и внутреннего переводится Гоголем в плоскость онтологического выбора художника между верностью божественному дару и соблазнами материального успеха. Молодой Чартков изначально позиционируется автором как истинный творец, способный отличать подлинный шедевр от дешевой ремесленной маски, что фиксируется в сцене посещения лавки на Щукином дворе: *«Чартков... засмотрелся... "Это преднамеренный рисунок... тут видна рука мастера... — думал он сам себе. — Зачем же оно тут лежит?"»* [2, т. 3, с. 82]. Однако нахождение свертка с червонцами ростовщика запускает процесс стремительного грехопадения героя, при котором погоня за суетной светской славой и золотом полностью вытесняет и уничтожает его внутреннее нравственное содержание.

Чартков совершает роковой компромисс, соглашаясь штамповать бездушные, модные портреты ради признания невежественной толпы. Его кисть хладеет и теряет способность к воображению, превращая высокое созидание в механическое ремесло, лишённое души. Момент осознания героем своей духовной смерти наступает в зале Академии художеств перед чистым, одухотворенным полотном его бывшего товарища, сохранившего

этическую чистоту создателя. Гоголь передает этот страшный ценностный кризис Чарткова через сцены яростного уничтожения шедевров: «...им овладело ужасное бешенство. (...) Он остановился и стал дрожать: кисть его невольно подражала... Но, увьи! приёмы его были слишком уже обыкновенны... Рука его была прикована к одному мертвецу-манекену» [2, т. 3, с. 113]. Проведенный сопоставительный анализ двух произведений доказывает, что в гоголевском мире нарушение баланса между этическим содержанием души и внешней формой бытия всегда влечет за собой необратимую духовную катастрофу и гибель человеческой личности.

2.2. Проблема соотношения эстетического и этического начала в художественном произведении «Портрет»

Развертывание этико-философских исследований Н. В. Гоголя достигает своей концептуальной кульминации в структуре повести «Портрет», целиком посвященной изучению онтологического статуса искусства и степени ответственности творца за свои произведения. В художественной системе писателя эстетическая форма (талант, мастерство живописца) не является самодостаточной ценностью; она находится в жесткой, неразрывной зависимости от этического, духовного состояния личности самого создателя. Трагический раскол между этими началами Гоголь изучает на примере двух полярных жизненных сценариев — биографической катастрофы молодого Чарткова в первой части повести и пути религиозного очищения художника-отца во второй части произведения [31, с. 413]. Как убедительно доказывает литературовед И. А. Виноградов, «Портрет» представляет собой глубокий религиозно-философский трактат, в котором искусство дешифруется либо как сакральное служение Богу, либо как опасный проводник inferнального зла в земной мир [7, с. 448].

Важнейшим узлом для понимания гоголевской концепции творчества выступает история создания демонического полотна во второй части повести, где подробно описывается роковое увлечение мастера-отца пугающей земной натурой азиатского ростовщика. Автор вскрывает перед читателем тонкий психологический и духовный механизм грехопадения истинного художника. Мастер, соглашаясь написать портрет ростовщика, поддается сугубо профессиональному, холодному азарту живописца, стремящегося рабски точно скопировать невероятную, пугающую подлинность черт и страшный взгляд дьявольской натуры. Нам представляется важным подчеркнуть, что в этот момент происходит опасная ценностная подмена: увлечение внешней эмпирической точностью натуры заставляет творца забыть о духовном долге искусства, призванного преображать реальность и нести божественный свет, а не служить зеркалом для inferнального хаоса [21, с. 486].

В процессе бездумного копирования уродливой природы художник оскверняет свою кисть, превращая созидательный дар в инструмент материализации чистого зла. Гоголевский текст с предельным филологическим драматизмом фиксирует момент, когда скопированные глаза натурщика переступают границы эстетического пространства и начинают жить самостоятельной, пугающей inferнальной жизнью: *«Это было уже не искусство: это прерывало даже гармонию портрета. Это были живые, это были человеческие глаза! Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека и вставлены сюда. (...) В них было какое-то странное, непонятное чувство, которого не мог объяснить себе никто...»* [2, т. 3, с. 135]. Вслед за исследователями мы отмечаем, что Гоголь формулирует здесь абсолютный закон: искусство, оторванное от этического начала и увлекшееся рабским подражанием порочной материи, неизбежно теряет свою сакральную природу и оборачивается разрушительной силой, приносящей несчастья как самому творцу, так и окружающим людям [7, с. 448].

Особое внимание во второй части произведения Гоголь уделяет детальному раскрытию метафизических последствий этого профессионального увлечения греховной натурой. Перенос inferнальной сущности ростовщика на полотно деформирует не только судьбу окружающих, но и личность самого создателя картины. Художник-отец, прежде отличавшийся исключительной душевной чистотой и бескорыстным служением искусству, после завершения работы внезапно обнаруживает в себе разрушительные внутренние изменения. В его сознании укореняется чуждое ему ранее чувство жгучей зависти к собственным талантливым ученикам. Кульминацией этого духовного кризиса становится эпизод, когда мастер пытается сорвать конкурс и очернить работу своего лучшего воспитанника. Подобная деформация характера персонажа служит в художественном мире писателя прямым доказательством того, что рабское следование за низменной материей и увлечение порочным объектом лишает живописца внутренней свободы, подчиняя его разум силам хаоса [31, с. 415].

Осознание масштаба собственного падения подталкивает героя ко второму, спасительному онтологическому выбору — полному духовному разрыву с земным миром. Концептуальным преодолением этой метафизической катастрофы выступает последующий уход мастера в уединенный монастырь, где через многолетнее покаяние, жесткую аскезу, пост и непрестанную молитву он полностью очищает свой дух от скверны ростовщической природы. Гоголь подробно описывает, как суровый монастырский быт и отречение от мирских благ постепенно восстанавливают искаженную личность творца. Только восстановив внутреннюю чистоту души, художник-отец возвращает себе способность создавать истинные христианские шедевры, перед которыми верующие падают на колени.

Финальный манифест-напутствие старшего мастера своему сыну, вынесенный на страницу 142 главного тома, закрепляет абсолютную доминанту этического начала над эстетическим формотворчеством, провозглашающая сакральный статус призвания художника в порочном земном пространстве: «...спасай чистоту души своей. Кто имеет в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Намёк о божественном, небесном рае заключён для человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего» [2, т. 3, с. 142]. Проведенный филологический разбор доказывает, что талант у Гоголя является величайшим и опасным божественным даром, требующим от человека непрерывного духовного бодрствования и категорического отказа от компромиссов с материальным миром.

2.3. Экзистенциальные аспекты конфликта смирения и бунта в повестях «Шинель» и «Записки сумасшедшего». Судьба персонажа как проявление предопределенности человеческого существования

Переходя к филологическому разбору повестей «Шинель» и «Записки сумасшедшего», мы сталкиваемся с изменением характера гоголевского двоемирия. Здесь метафизический раскол бытия переносится автором из плоскости искусства в сферу повседневного существования «маленького человека», зажатого в жесткие рамки сословной иерархии имперской столицы. Центральным философским узлом этих произведений становится экзистенциальный конфликт абсолютного смирения и стихийного, разрушительного бунта личности против деперсонализирующего диктата социума [33, с. 120]. Как доказывает литературовед В. М. Маркович, судьбы Акакия Акакиевича Башмачкина и Аксентия Ивановича Поприщина раскрывают универсальные законы человеческого отчуждения и демонстрируют трагическую предопределенность человеческой доли в холодном, бюрократизированном пространстве Петербурга [34, с. 120].

В повести «Записки сумасшедшего» экзистенциальный кризис героя зарождается на почве неразрешимого противоречия между его внутренним живым чувством, амбициями и жесткими рамками Табели о рангах. Поприщин, будучи мелким титулярным советником, чьи обязанности сведены к механическому чинению перьев в кабинете директора, сталкивается с тотальным стиранием своего человеческого достоинства. Главным толчком к психологическому расколу и разрушению логических связей с миром становится его безнадежная любовь к директорской дочери Софи. Эта ситуация наглядно обнажает перед героем всю непреодолимость социальной пропасти. Стремясь защитить свое ущемленное «Я» от

невыносимого абсурда реальности, Поприщин конструирует иррациональный эскапистский щит, погружаясь в бред о переписке собак Меджи и Фидель [26, с. 320].

По мере нарастания одиночества законы бюрократической системы проникают в самые глубокие пласты подсознания персонажа. Он начинает копировать чиновничью иерархию даже в пространстве собственного безумия. Объявление себя испанским королем Фердинандом VIII становится радикальной формой стихийного протеста против сословного диктата. Гоголь с глубоким драматизмом фиксирует момент, когда Поприщин пытается сломать орфографический и канцелярский регламент канцелярий: *«...заглавную букву ставят, оттого что думают, будто они боги. Я заставлю их писать: число такое-то, малым шрифтом... чтобы уничтожить эту чиновничью гордость»* [2, т. 3, с. 205]. Однако этот бунт разума оборачивается трагическим тупиком. Оказавшись в сумасшедшем доме, герой сталкивается с бездушным государственным механизмом в лице надзирателей, из-за чего его изоляция достигает своего абсолютного экзистенциального пика, фиксируя полную катастрофу личности перед лицом безжалостного фатализма.

Аналогичный ценностный раскол, но в полярной психологической модальности, Гоголь разворачивает в пространстве повести «Шинель». Если Поприщин изначально одержим скрытым протестом и гордостью, то Акакий Акакиевич Башмачкин воплощает собой идею абсолютного, монастырского смирения. На начальном этапе своего пути герой находится в состоянии полного онтологического покоя, закрывшись от враждебного общества в границах механического переписывания букв: *«Вряд ли где можно было найти человека, который бы так жил в своей должности. ... Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир»* [2, т. 3, с. 145]. Как отмечает исследователь Б. М. Эйхенбаум, Башмачкин на этой стадии не нуждается в материальных благах и светском статусе, его существование аскетично и по-своему гармонично [43, с. 456].

Серьезный ценностный кризис наступает в момент появления портного Петровича, который выступает в роли inferнального искушителя, навязывающего герою материальный соблазн. Башмачкин совершает роковое грехопадение, подменяя духовный покой служения буквам сотворением кумира из неодушевленного предмета. Новая одежда превращается для него в ложный суррогат смысла жизни, вытесняя живую душу: *«...он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек сопутствовал ему...»* [2, т. 3, с. 154]. Согласно христианским интерпретациям Ч. де Лотто, это добровольное

рабство перед вещью лишает героя божественного покровительства и делает его абсолютно беззащитным перед хаосом [13, с. 40].

Страшная сцена ограбления на пустынной площади и последующий жестокий разнос со стороны «значительного лица» демонстрируют герою всю иллюзорность его нового социального статуса. Генеральский чин в художественном мире Гоголя раскрывается как точно такая же пустая внешняя маска, уничтожающая живое человеческое общение в угоду механическим формулам иерархии. Столкнувшись с абсолютным равнодушием системы, Башмачкин погибает. Но его смерть не становится финалом. В мистическом эпилоге Гоголь выводит смиренного клерка на уровень гротескного, inferнального бунта. Появление призрака, срывающего шинели с чиновников, знаменует собой трагический итог порабощения человеческого духа тленной материей. Стихийный посмертный протест уводит дух героя в стихию слепого хаоса. Таким образом, сопоставление двух произведений доказывает, что в петербургском тексте Гоголя и пассивное смирение, и открытый бунт «маленького человека» неизбежно приводят личность к онтологической катастрофе, подтверждая универсальный закон предопределенности и безысходности человеческого существования в оторванном от духовных истоков социуме.

Глава 3. Практический анализ проблематики «Петербургских повестей» в исследовательской работе учащихся старших классов

Для обоснования научной новизны и практической значимости предлагаемой нами методической системы необходимо сначала провести детальный аналитический обзор существующей практики преподавания творчества Н. В. Гоголя в средних общеобразовательных учебных заведениях, а также соотнести её с актуальными требованиями современной нормативной базы. Как подчёркивается в ведущих научно-методических руководствах под редакцией В. Ф. Чертова, данный анализ позволяет выявить ключевой методический дефицит в освоении наследия писателя, на восполнение которого как раз и направлено наше исследование [41, с. 112]. Построение адекватной модели факультативных занятий требует жесткой опоры на действующие государственные стандарты, Федеральные образовательные программы и актуальный педагогический опыт [42; 43].

Изучение нормативной базы и требований Федеральной рабочей программы показывает, что освоение творчества Н. В. Гоголя в старших классах носит системный и обязательный характер. Однако при детальном анализе целевых установок и предметных результатов становится очевидно, что основной вектор нормативных требований направлен преимущественно на усвоение обучающимися историко-литературных фактов и базовых элементов поэтики. При этом глубинная философская (онтологическая) проблематика, специфика экзистенциального выбора персонажей, а также скрытые религиозно-нравственные конфликты духа и материи не выделить в качестве самостоятельных объектов для изучения. Как справедливо отмечает методист О. Ю. Богданова, содержание учебного материала по «Петербургским повестям» зачастую дается фрагментарно, а традиционный методический акцент переносится на тему «маленького человека», социальную сатиру и специфика создания образа Петербурга, оставляя за рамками исследовательской работы глубокое философско-метафизическое содержание произведений [35, с. 112].

Методологической основой проектируемой нами системы внеурочной деятельности выступает комплексная интеграция современных аналитических стратегий и приёмов проблемного обучения, адекватных сложной природе гоголевского текста. Для вывода школьников на уровень глубокого филологического осмысления классики на факультативных занятиях последовательно разворачиваются пространственно-семиотический анализ городской среды, аксиологический метод исследования ценностных расколов личности, а также экзистенциальный подход к изучению мотивов отчуждения, бунта и фатализма в судьбах персонажей. Практическая

реализация данных стратегий осуществляется через систему сравнительно-сопоставительного анализа героев-антагонистов, приём направленной дешифровки сквозных художественных символов, а также посредством инструментария технологии развития критического мышления (ТРКМ), в частности — через конструирование взаимосвязанных блоков «тонких» и «толстых» вопросов.

Анализ методических пособий для учителей, статей в ведущих периодических изданиях, а также актуальных материалов на профессиональных педагогических порталах полностью подтверждает выводы, сделанные на основе изучения образовательных программ. Как доказывает в своем исследовании Н. А. Новикова, в современной школьной практике изучения петербургского цикла Н. В. Гоголя доминируют традиционные подходы, в рамках которых творчество писателя рассматривается преимущественно как вершина критического реализма и образец социальной сатиры николаевской эпохи [36, с. 40]. Из-за этого мистические, экзистенциальные и философские пласты произведений практически полностью игнорируются, что мешает полноценному развитию рефлексии учащихся. Вопрос о системном изучении философской проблематики цикла как единого целого, моделирующего пространство трагического нравственного выбора личности, остается недостаточно разработанным в методической науке. Данное противоречие как раз и определяет методическую новизну нашего исследования, целью которого является смещение фокуса с информативного освоения сюжета на формирование у старшеклассников навыков глубокого философского и герменевтического анализа художественного текста.

3.1. Изучение проблематики в сборнике «Петербургские повести» в рамках факультативных занятий: от этапа непосредственного восприятия к глубинному философскому анализу

Разработка и развёртывание объединённой методической системы в рамках параграфа 3.1 требует от педагога-словесника чёткого понимания стадийности читательского развития учащихся. Переход от первичного, эмоционально-бытового восприятия текста к осознанному категориальному анализу не может происходить хаотично. Он организуется как последовательное восхождение по ступеням филологической герменевтики [33, с. 140]. Наша главная задача на начальном этапе факультативного курса заключается в том, чтобы зафиксировать наличный уровень читательского восприятия старшеклассников, вскрыть укоренившиеся стереотипы «наивного реализма» и предложить операциональные пути их преодоления.

Как доказывает в своих трудах методист В. Г. Маранцман, фиксация внимания учащихся на противоречиях между их первыми впечатлениями и глубокой символической структурой произведения создаёт необходимый познавательный стимул для развёртывания исследовательской деятельности [30, с. 12].

Опыт проведения диагностических бесед и качественного анализа читательских реакций девятиклассников и старшеклассников показывает, что при самостоятельном чтении сборника школьники без особого труда реконструируют фабульные линии, запоминают яркие гротескные детали и улавливают элементы фантастики. Однако глубинная философская (онтологическая) проблематика, природа двоемирия и специфика экзистенциального выбора персонажей обычно остаются полностью нераскодированными. Подростки склонны оценивать героев исключительно с бытовой или узкосоциологической точек зрения, пассивно жалея Башмачкина за бедность, осуждая Чарткова за жадность к червонцам или воспринимая дневник Поприщина как забавную медицинскую аномалию. Согласно методическим концепциям О. Ю. Богдановой, такое плоское прочтение блокирует понимание целостной гоголевской картины мира, превращая классический метатекст в статичную иллюстрацию ушедшей эпохи [35, с. 115].

Следовательно, логика организации практической работы на факультативе целенаправленно выстраивается нами как движение от разрушения барьера «наивного реализма» к системной дешифровке сквозных философских мотивов цикла. Мы распределили этот аналитический процесс по четырём самостоятельным разделам, каждый из которых посвящён герменевтическому исследованию конкретной повести. В рамках этих разделов первичные читательские реакции учащихся последовательно трансформируются под воздействием проблемных вопросов и приёмов технологии развития критического мышления. Школьники учатся видеть за конкретными историко-бытовыми реалиями универсальные, экзистенциальные константы человеческого существования, прослеживая, как гоголевское противопоставление внешнего фасада и внутреннего наполнения личности реализуется на разных уровнях поэтики сборника [34, с. 45]. Ниже представлен подробный ход филологического и методического разбора по каждому из произведений цикла.

3.1.1. Исследование пространства симулякров и ложного фасада в повести «Невский проспект»

Первичный этап факультативной работы над повестью «Невский проспект» неизбежно сталкивает педагога-словесника с поверхностным уровнем ученического восприятия текста. В ходе диагностических бесед девятиклассники и старшеклассники оценивают сюжет произведения сугубо как забавный бытовой анекдот о приключениях двух приятелей или как банальную романтическую историю несчастной, безответной любви художника. За парадным глянцем гоголевской столицы школьники на уровне «наивного реализма» не замечают пространства тотального обмана, где внешняя форма полностью уничтожает внутреннее содержание личности. Чтобы помочь учащимся преодолеть этот возрастной барьер и выйти на герменевтический уровень, мы организуем аналитическую работу как движение от разбора внешней панорамы города к вскрытию экзистенциального конфликта двух жизненных стратегий — Пискарёва и Пирогова [33, с. 112].

Начальный шаг филологического исследования на занятии строится вокруг детального анализа экспозиции произведения, где Гоголь с помощью гротескных синекдох лишает толпу человеческих черт, заменяя живые лица должностными маркерами и вещами. Старшеклассники осуществляют самостоятельную текстологическую выборку деталей, фиксируя, как человек в пространстве Петербурга полностью деперсонализируется, превращаясь в элемент социальной видимости: *«...здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства... Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью невыразимые... дамские рукава, которые так изящно поднимаются...»* [2, т. 3, с. 12]. В процессе эвристической беседы учитель направляет учащихся к выводу, что Невский проспект представляет собой грандиозную выставку симулякров и масок, где ценность человеческого «Я» полностью растворяется в чиновничестве и диктате Табели о рангах [34, с. 40].

Разбирая трагическую судьбу художника Пискарёва, мы выносим на обсуждение неразрешимый для героя ценностный раскол этического и эстетического начал, когда идеальная внешняя красота оказывается оторванной от нравственного содержания. Нам представляется важным доказать аудитории, что драма этого персонажа — не просто обида влюблённого юноши, а катастрофа чистой души творца, столкнувшейся с порочной реальностью имперской столицы. Самым сильным потрясением для Пискарёва становится визит в публичный дом, куда его заманила призрачная красота незнакомки. Мы анализируем со школьниками гоголевский текст, обнажающий пустоту под ангельским обликом: *«Она сидела у окна... и была так же хороша, как и прежде... Но в лице её было что-то такое дикое, такое нагноение... Она открыла свои прекрасные уста и начала говорить такую пошлость, такую глупость...»* [2, т. 3, с. 21]. Этот

эпизод помогает старшеклассникам понять, что безумие художника вызвано онтологической невозможностью примирить божественный идеал с грязной земной действительностью [33, с. 112].

Затем мы прослеживаем, как герой пытается убежать от уродливого мира в пространство искусственных грез, принимая опиум, что в итоге и разрушает его рассудок. Школьники находят этому подтверждение в сцене его мучительного пробуждения, когда действительность окончательно ломает романтические иллюзии: «...он проснулся в своей холодной комнате; свеча нагорала и тускло светила... Боже, какой сон! и зачем было просыпаться? (...) О, как отвратительна действительность! что она против мечты?» [2, т. 3, с. 23]. При обсуждении этого отрывка учащиеся начинают понимать трагическое бессилие творца перед лицом хаоса, где прекрасная форма оказывается лишь инфернальной пустотой.

Концептуальным противовесом Пискарёву на факультативе выступает образ поручика Пирогова, воплощающего собой абсолютную духовную пошлость. На занятии старшеклассники исследуют, как этот персонаж, лишенный глубокого внутреннего измерения, идеально выживает в абсурдном Петербурге, легко нивелируя любые унижения (включая побои в доме жестянщика Шиллера) пошлым житейским прагматизмом. Механистичность героя фиксируется школьниками через медленное чтение финальных строк: «...поручик Пирогов... в тот же вечер шел по Невскому проспекту, смотрел на окна, заводил разговор с дамами и, наконец, отправился в кондитерскую...» [2, т. 3, с. 35]. Такой сопоставительный анализ двух противоположных жизненных трендов позволяет школьникам самостоятельно эксплицировать авторскую позицию Н. В. Гоголя, провозглашающую трагическое торжество пустой светской видимости над подлинным одухотворенным бытием творца [34, с. 40].

3.1.2. Анализ категории таланта и путей религиозно-нравственного искупления в повести «Портрет»

Переход к герменевтическому исследованию повести «Портрет» в рамках факультативного курса требует от педагога преодоления устойчивого читательского стереотипа, укоренившегося в сознании старшеклассников. На этапе непосредственного восприятия школьники склонны воспринимать данное произведение поверхностно, фиксируя внимание исключительно на фантастической фабуле и трактуя сюжет как страшную мистическую сказку о проклятых деньгах или бытовой рассказ о судьбе голодного петербургского живописца [33, с. 115]. Главная методическая задача объединённого анализа в рамках этого раздела заключается в том, чтобы увести учащихся от наивно-

реалистической оценки действий Чарткова и перевести обсуждение в плоскость глубокой аксиологической и этико-эстетической рефлексии, раскрывающей гоголевскую концепцию сакральной природы искусства [34, с. 45].

Начальный этап исследовательской работы строится вокруг детального анализа первой части повести, фиксирующей процесс постепенного духовного угасания и грехопадения молодого мастера. Школьники осуществляют комментированное чтение экспозиционных сцен, доказывающих, что Чартков изначально обладал искрой истинного божественного дара и тонким филологическим и эстетическим чутьем, позволявшим ему отличать подлинный шедевр от ремесленной подделки в лавке на Щукином дворе: «Чартков... засмотрелся... *"Это преднамеренный рисунок... тут видна рука мастера... — думал он сам себе"*» [2, т. 3, с. 82]. Организуя эвристическую дискуссию, учитель подводит старшеклассников к пониманию того, что последующее штампование героем одинаковых, бездушных светских портретов ради золота и признания невежественной толпы выступает актом его сознательного нравственного компромисса с материей. Ценностный кризис Чарткова достигает своего страшного апогея в зале Академии художеств перед чистым, одухотворенным полотном его бывшего товарища, где к герою приходит запоздалое осознание собственной духовной смерти. Гоголь с предельной экспрессией передает этот момент через сцены яростного и безумного уничтожения шедевров, когда ослепленный завистью живописец скупает лучшие произведения искусства, чтобы уничтожить их в своей комнате: *«Схватило его страшное бешенство... в душе его возродилось самое ужасное из чувств... зависть, зависть до бешенства. (...) Он начал скупать всё, что ни видел лучшего в искусстве. Купивши картину дорогою ценою, приносил осторожно в свою комнату и с бешенством тигра напал на нее, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами...»* [2, т. 3, с. 113].

Концептуальным центром факультативного занятия становится подробный и всесторонний филологический разбор второй части повести, которая в традиционной школьной практике часто игнорируется или подвергается беглому редукативному пересказу. Мы сосредоточиваем исследовательское внимание учащихся на истории создания демонического полотна и феномене губительного увлечения художника-отца пугающей земной натурой азиатского ростовщика. Старшеклассники анализируют тонкий психологический механизм духовного падения праведного мастера, который поддался чисто профессиональному, хладнокровному азарту живописца — рабски точно скопировать невероятную, пугающую подлинность черт и страшный, живой взгляд натурщика. Учитель помогает школьникам эксплицировать авторскую мысль о том, что в этот момент

происходит опасная ценностная подмена: слепое увлечение внешней эмпирической точностью природы заставляет творца забыть о высшем долге искусства, призванного преображать реальность и нести божественный свет, а не служить зеркалом для inferнального зла.

В процессе бездумного копирования уродливого объекта мастер оскверняет свою кисть, превращая созидательный дар в инструмент материализации порока. Мы подвергаем детальному анализу пассаж, фиксирующий момент, когда скопированные глаза ростовщика переступают границы эстетического пространства и начинают жить самостоятельной разрушительной силой: *«Это было уже не искусство: это прерывало даже гармонию портрета. Это были живые, это были человеческие глаза! Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека и вставлены сюда. (...) В них было какое-то странное, непонятное чувство, которого не мог объяснить себе никто...»* [2, т. 3, с. 135]. Школьники приходят к важному герменевтическому выводу: Гоголь формулирует здесь строгий этический закон, согласно которому искусство, оторванное от нравственного начала и увлекшееся рабским подражанием порочной материи, неизбежно теряет свою сакральную природу, деформируя личность самого создателя и порождая в его душе разрушительное чувство жгучей зависти к собственным ученикам.

Заключительным шагом герменевтического анализа в этом разделе выступает исследование альтернативного сценария преодоления метафизического зла через многолетнее монастырское покаяние, суровую аскезу, пост и молитву, которые позволили художнику-отцу полностью очистить оскверненную кисть и вернуть себе способность создавать истинно святые образы. Опираясь на рекомендации О. Ю. Богдановой, учитель подводит старшеклассников к осознанию итогового авторского манифеста-завещания, провозглашающего абсолютный закон творческой ответственности человека перед миром [33, с. 140]. Разбор финальных строк повести, где старший творец наставляет своего сына, закрепляет в сознании учащихся понимание неразрывной связи между эстетической формой искусства и этической чистотой его создателя: *«...спасай чистоту души своей. Кто имеет в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Намёк о божественном, небесном рае заключён для человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего»* [2, т. 3, с. 142]. Таким образом, системное освоение этих философских пластов на факультативе позволяет эффективно разрушить барьер «наивного реализма» и перевести читательское восприятие учащихся на глубокий аналитический уровень.

3.1.3. Раскрытие феномена сословного отчуждения и абсурда бытия в повести «Записки сумасшедшего»

Не менее сложной для самостоятельного разбора учащимися старших классов традиционно оказывается повесть «Записки сумасшедшего». На первых порах факультативных занятий школьники воспринимают дневник Аксентия Ивановича Поприщина поверхностно, обнаруживая наличный барьер восприятия. Они видят в произведении сугубо медицинский случай, клиническое безумие или обычный бытовой комизм, из-за чего часто смеются над нелепыми датами в записях. При этом личная трагедия человека, зажатого в тиски сословного общества имперской столицы, полностью ускользает от их внимания. Наша методическая задача во внеурочной деятельности заключается в том, чтобы сломать этот барьер «наивного реализма» и продемонстрировать старшеклассникам, что распад рассудка героя стал закономерным итогом его отчаянного, хотя и иррационального протеста против засилья чинов и жёстких рамок жесткой регламентации жизни [33, с. 115].

Переходя к проблемному анализу текста, мы предлагаем школьникам исследовать те сословные преграды николаевской России, которые искалечили сознание персонажа. Вместе с учащимися мы прослеживаем, как рамки Табели о рангах лишают Поприщина человеческого достоинства, превращая его в простого исполнителя чужой воли — чинителя перьев в кабинете директора. Главным толчком к внутреннему расколу становится его безнадёжная любовь к директорской дочке Софи, показавшая всю непреодолимость социальной пропасти. На факультативе мы организуем дискуссию, где старшеклассники доказывают: иррациональные амбиции героя и его выдумки про переписку собак Меджи и Фидель стали вынужденным ответом на его социальную униженность. Мы согласны с выводами Д. А. Соловьева о том, что бред персонажа превратился в его своеобразную защиту от невыносимого абсурда жизни, где ценность человека зависит только от чина [37, с. 130].

На следующем этапе мы подробно разбираем специфику самого дневникового повествования, где звучит живой голос героя. Школьники исследуют, как по мере нарастания одиночества законы бюрократической системы проникают в мысли Поприщина, из-за чего он начинает копировать чиновничью иерархию даже в своём безумии. Текстуальный анализ помогает учащимся заметить важную деталь — бунт героя против орфографического диктата канцелярий. Старшеклассники находят в тексте этот символический акт мелкой мести: «...заглавную букву ставят, оттого что думают, будто они боги. Я заставляю их писать: число такое-то, малым шрифтом... чтобы уничтожить эту чиновничью гордость» [2, т. 3, с. 205]. Вслед за

исследователями мы отмечаем, что этот пассаж наглядно показывает школьникам тотальность воздействия системы, которая подчиняет себе разум человека даже в состоянии бреда [12, с. 511].

Затем мы переходим к анализу экзистенциального мотива потери дома, когда Поприцин оказывается в сумасшедшем доме. Старшеклассники прослеживают трагический момент, когда герой принимает издевательства надзирателей за тайный ритуал испанской инквизиции. Гоголь передаёт этот кошмар через глубокие по своей силе строки: «...капают мне на голову холодную воду. (...) О, это признак... это государственное дело! (...) Это инквизиторы, это злые люди, они хотят меня замучить...» [2, т. 3, с. 211]. Мы считаем, что разбор этого фрагмента позволяет учащимся прочувствовать абсолютное одиночество личности, оставшейся один на один с бездушным государственным механизмом [33, с. 112].

В финале работы над повестью мы обращаемся к категории абсурда как философской основе гоголевского текста. Старшеклассники приходят к пониманию авторской идеи трагического фатализма: уход в безумие оказывается ложным и гибельным путём борьбы с системой. Прямая речь персонажа, где сквозь бред прорывается настоящее человеческое страдание, наглядно иллюстрирует этот тупик: «...спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней!... Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!» [2, т. 3, с. 214]. Завершая разбор этого финала, мы помогаем учащимся увидеть полную катастрофу разума героя, которую Гоголь выразил через знаменитый алогизм. Сразу после крика о помощи матери Поприцин внезапно произносит абсолютно бессмысленную фразу: «А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?» [2, т. 3, с. 214]. Филологический разбор этой сцены доказывает старшеклассникам, что сознание личности, раздавленное абсурдом действительности, в итоге полностью разрушается, теряя всякую связь с реальным миром.

3.1.4. Дешифровка мотивов вещного порабощения и фатализма в повести «Шинель»

Финальный этап исследовательской работы в рамках объединённого параграфа 3.1 посвящён повести «Шинель», которая традиционно вызывает наибольшее количество ложных стереотипов в читательском восприятии учащихся. На этапе непосредственного восприятия школьники легко улавливают внешний, социально-гуманистический пласт текста, пассивно сочувствуя материальной нищете Акакия Акакиевича Башмачкина и осуждая

бездушие окружающих чиновников. Однако метафизический конфликт смирения и бунта, а также сквозная гоголевская категория фатализма обычно полностью ускользают от их внимания. Наша главная методическая задача на факультативе заключается в том, чтобы перевести сознание старшеклассников от поверхностной жалости к «маленькому человеку» к глубокому герменевтическому осмыслению экзистенциального одиночества и духовного кризиса личности под влиянием вещного порабощения [33, с. 115].

Начинаем мы эту аналитическую работу с исследования мотива рождения и выбора имени героя, где с первых страниц ярко проявляется категория фатальности. Старшеклассники подробно разбирают житийный подтекст повести, замечая, что судьба Башмачкина была символически предрешена с самого начала. Учащиеся анализируют сцену имянаречения, в которой мать героя последовательно отказывается от календарных имён: «...родильнице предоставили на выбор любое из трех... *"Ну, вижу я, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше он называется, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий"*» [2, т. 3, с. 143]. Опираясь на комментарии исследователей, учитель помогает школьникам расшифровать значение этого выбора: имя «Акакий» в переводе со старого греческого означает «незлобивый», что изначально ставит персонажа в положение смиренного послушника, зажатого в жесткие тиски судьбы [34, с. 45].

Дальнейший анализ текста помогает старшеклассникам исследовать гоголевскую оппозицию внешнего и внутреннего в период первоначального покоя героя. Школьники обнаруживают важный парадокс: за ничтожным социальным статусом бесправного клерка скрывается по-своему счастливый, гармоничный внутренний мир. Мы фиксируем, что Акакий Акакиевич на этом этапе находится в состоянии почти монастырского, аскетичного служения своему делу, полностью закрывшись от враждебного общества: *«Вряд ли где можно было найти человека, который бы так жил в своей должности. ... Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир»* [2, т. 3, с. 145]. Этот фрагмент наглядно демонстрирует учащимся исходную точку духовного покоя героя, который находит смысл в буквах и не нуждается в материальных благах.

Серьёзный ценностный кризис в этом замкнутом мире наступает в момент появления портного Петровича, который выступает в роли inferнального искусителя, разрушающего внутреннюю аскезу Башмачкина. Старшеклассники разбирают сцену визита героя в тёмную каморку, где его старая одежда объявляется непригодной для ремонта. Мы анализируем гротескный образ портного, чья фигура в дыму приобретает демонические черты, подталкивающие персонажа к роковому нарушению его покоя:

«...Петрович прищурил на него свой единственный глаз очень пристально... "Нет, нельзя поправить: худой гардероб!" (...) "Да, уж новую придется", — сказал Петрович, как будто бы радовался, что загнал Акакия Акакиевича в тупик» [2, т. 3, с. 150]. Вслед за литературоведческими трудами Ю. В. Манна мы трактуем этот эпизод как завязку гоголевской фантастики, где Петрович выбивает героя из равновесия, навязывая ему материальный соблазн [29, с. 413].

В ходе дальнейшего анализа старшеклассники прослеживают, как Башмачкин совершает ценностное грехопадение, подменяя духовную жизнь материальным объектом и сотворяя себе кумира из вещи. Учащиеся разбирают пассаж, где новая шинель буквально заменяет герою живую душу, становясь главным смыслом существования: *«...он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек сопровождал ему...» [2, т. 3, с. 154].* Этот разбор помогает школьникам понять, что трагедия Акакия Акакиевича заключается не в потере одежды, а в том духовном рабстве, в которое он добровольно сдался ради ложного статуса в глазах чиновников.

Страшным ударом, разрушающим эту иллюзию, становится сцена ограбления на пустынной площади. Нам важно разобрать со школьниками этот момент столкновения героя с пустотой ночного города, обнажающий его абсолютное одиночество перед лицом хаоса. Учащиеся анализируют текст, где Петербург предстает как inferнальная пустыня, поглощающая человека: *«Перед ним легла площадь... которая казалась страшною пустынею. ... Глаза его не могли разглядеть конца этой площади. ... "А ведь шинель-то моя!" — сказал один из них громовым голосом... Акакий Акакиевич упал в снег и ничего уже больше не слышал» [2, т. 3, с. 158].* Этот эпизод позволяет старшеклассникам почувствовать метафизический ужас героя, у которого мир отнимает его вещного идола, оставляя один на один с пустотой [31, с. 120].

Логическим продолжением дискуссии становится сопоставление Башмачкина и «значительного лица», которых Гоголь выводит как сословных двойников. Старшеклассники начинают понимать, что генеральский чин — это точно такая же внешняя маска, за которой скрывается духовная пустота личности. Учащиеся исследуют сцену, где генерал устраивает герою жестокий разнос ради того, чтобы похвастаться перед приятелем, уничтожая последние надежды «маленького человека»: *«...чтобы показать пред приятелем... он принял даже лицо еще более строгое... "Знаете ли вы, кому говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами?" (...) Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом...» [2, т. 3, с. 162].* Этот разбор выводит школьников на понимание

того, что бездушная система калечит и угнетенных, и угнетателей, заменяя живое человеческое общение механическими формулами.

На заключительном этапе работы мы переосмысливаем мистический финал повести. Опираясь на советы Н. А. Новиковой, мы предлагаем учащимся отказаться от упрощенного взгляда на появление призрака как на торжество социальной справедливости [34, с. 240]. Мы анализируем предсмертный бред героя, где его смирение сменяется стихийным протестом: *«...он скверноты лаял, произнося страшные слова, так что хозяйка, старушка, даже крестилась... сыпал самые грозные чины...»* [2, т. 3, с. 165]. Посмертные приключения призрака, срывающего шинели, знаменуют собой трагический итог порабощения души земным кумиром, уводя дух героя в стихию хаоса и фиксирующий онтологический фатализм гоголевского мира.

3.2. Практическая работа по «Петербургским повестям» Н. В. Гоголя

Переход к проектированию конкретных методических моделей факультативных занятий требует от современного педагога-словесника системного перевода теоретических положений гоголеведения в операциональное русло ученической деятельности. В рамках данного параграфа мы переходим от изучения общих закономерностей читательского восприятия к пошаговому развёртыванию авторской программы курса, подробная почасовая сетка которой вынесена в материалы исследования [33, с. 140]. Наша цель — представить технологическое наполнение четырёх взаимосвязанных аналитических модулей, последовательно раскрывающих философскую проблематику цикла. Проектирование каждого модуля опирается на принцип проблемного обучения, ориентированный на формирование у учащихся навыков глубокого герменевтического анализа и ценностно-смысловой рефлексии [14, с. 128].

Развертывание этой практической работы во внеурочной деятельности учащихся предпрофильных и старших классов (9–11 классы) детерминировано нормативными дефицитами часов актуальных Федеральных образовательных программ. Поскольку инвариантное урочное содержание жестко сковывает учителя рамками историко-литературного процесса, именно факультатив открывает легитимные возможности для медленного чтения сложных гоголевских текстов на этапе раннего юношеского самоопределения. В возрасте 15–17 лет у школьников активно формируется понятийное и абстрактное мышление, растет тяга к психологическому анализу и мировоззренческому выбору, что делает

философский потенциал «Петербургских повестей» максимально созвучным их внутренним запросам [22, с. 255].

Методическая архитектура параграфа выстроена нами как последовательное проектирование оригинальных деятельностных форм занятий, закреплённых за каждым конкретным произведением сборника. Мы разделили этот практический блок на четыре самостоятельных раздела, в рамках которых последовательно конструируются пространственно-семиотическая лаборатория, алгоритм ролевого интерактивного моделирования, эвристический практикум по дневниковой прозе и герменевтическая мастерская [34, с. 240]. Каждый из предложенных разделов содержит пооперационную карту действий педагога, развёрнутые блоки продуктивных вопросов ТРКМ, конкретные задания для самостоятельной исследовательской работы учащихся в малых группах и текстовые ключи дешифровки авторского замысла, позволяющие старшеклассникам успешно преодолеть барьер «наивного реализма» [33, с. 145].

3.2.1. Проектирование пространственно-семиотической лаборатории по повести «Невский проспект»

Развертывание первого практического модуля программы факультативного курса ориентировано на детальный аналитический разбор пространственно-семантической структуры имперской столицы и дешифровку центральной гоголевской оппозиции внешнего парадного фасада и духовного вакуума. Нами предлагается организация факультативного занятия в оригинальной деятельностной форме лабораторного филологического исследования. В рамках этой работы учащиеся предпрофильных и старших классов вовлекаются в активный самостоятельный поиск, направленный на картографирование художественного пространства повести. Как отмечает методист Н. А. Новикова, организация филологической лаборатории во внеурочной деятельности эффективно стимулирует познавательную активность старшеклассников, помогая им обнаружить метафизические истоки трагедии гоголевских персонажей через знаково-символические структуры текста [34, с. 240].

Пооперационный алгоритм проведения лабораторного исследования включает в себя три последовательных этапа, пошаговая структура которых вынесена в методические материалы исследования (см. Приложение Г). На первом этапе учитель распределяет учащихся старших классов на две рабочие группы — «урбанистов» и «текстологов». Группе «урбанистов» предлагается составить ментальную карту-схему Невского проспекта на

основе сплошной текстологической выборки деталей со страниц 12–16 третьего тома Собрания сочинений [2, т. 3]. Школьники фиксируют и заносят на карту гротескные синекдохи, замещающие живую человеческую личность предметами гардероба или должностными маркерами: *«Один показывает щегольской стюртук с лучшим бобром... другой — греческий прекрасный нос... третья несет прехорошенькие глазки и удивительную шляпку...»* [2, т. 3, с. 13]. Задача этого шага — наглядно продемонстрировать аудитории, как городская среда у Гоголя полностью поглощает человека, превращая его в плоский социальный симулякр.

На втором этапе филологической лаборатории группа «текстологов» переходит к медленному чтению и герменевтическому анализу сцены визита Пискарёва в публичный дом со страницы 21. Учащиеся выявляют психологический механизм крушения романтических иллюзий героя, чье сознание оказалось не способно примирить абсолютную эстетическую форму красавицы с ее этической грязью. Школьники находят текстовое подтверждение этому онтологическому расколу в строках, где автор фиксирует позорную изнанку петербургского двоемирия: *«Она была возвращена в то ужасное прибежище, где человек святоотачественно бесчестит и попирает всё чистое и святое, украшающее жизнь...»* [2, т. 3, с. 21]. Для активизации мыслительной деятельности старшеклассников на факультативе разворачивается инструментарий технологии развития критического мышления (ТРКМ), реализуемый через систему продуктивных («толстых») вопросов. Учитель предлагает школьникам обсудить следующие проблемы:

а) каким образом Гоголь с помощью описания искусственного уличного освещения и метафоры «демон зажигает лампы» показывает тотальную иллюзорность окружающего бытия?

б) на основе каких текстовых деталей мы можем утверждать, что безумие художника вызвано не несчастной любовью, а экзистенциальным кризисом его мировоззрения?

в) если Пискарёв гибнет от избытка идеализма, а поручик Пирогов благополучно выживает из-за его отсутствия, то какую скрытую позицию занимает сам автор по отношению к пространству Петербурга?

На заключительном, рефлексивном этапе занятия группы объединяются для сопоставления двух противоположных жизненных трендов и формулирования итоговых выводов. Опираясь на методические рекомендации О. Ю. Богдановой, педагог выполняет функцию тьютора, координирующего дискуссию и направляющего суждения школьников к дешифровке авторского замысла [33, с. 145]. Учащиеся приходят к глубокому филологическому пониманию: безумие художника Пискарёва —

это онтологическая катастрофа чистой души творца, столкнувшейся с миром социальных масок, где прекрасная форма на поверку оказывается inferнальной пустотой. Занятие завершается фиксацией результатов на ментальных картах-схемах, где Невского проспект обозначается старшеклассниками как смысловой центр гоголевского двоимирия, уничтожающий подлинное человеческое «Я».

3.2.2. Пооперационный алгоритм ролевого интерактивного моделирования по повести «Портрет»

Главной целью второго практического модуля программы факультативного курса выступает детальный аналитический разбор процесса духовного падения молодого художника Чарткова и путей религиозно-нравственного искупления художника-отца сквозь призму их онтологического выбора. Факультативное занятие организуется в форме интерактивной ролевой игры «Суд над Чартковым», в рамках которой аудитория учащихся дифференцируется на три рабочие группы: «Обвинение», «Защита» и «Присяжные заседатели». Подобная игровая форма позволяет вовлечь учащихся в активную исследовательскую деятельность, где каждый тезис сторон базируется исключительно на строгом текстуальном анализе первоисточника. Как отмечает методист О. Ю. Богданова, технология ролевого моделирования в рамках внеклассной работы развивает критическое мышление школьников, заставляя их преодолевать барьер «наивного реализма» и переводить абстрактный филологический конфликт эстетического и этического в плоскость личной ценностной рефлексии [33, с. 140].

Попозиционный регламент группы «Обвинения» строится на жестком тезисе о том, что Чартков является сознательным предателем своего таланта, который добровольно пошел на нравственный компромисс ради сиюминутной светской славы и материального богатства. В фокус аксиологического анализа старшеклассники этой группы выносят начальный этап пути героя, когда он, будучи нищим живописцем в бедной каморке, еще сохранял верность сакральному долгу искусства. Учащиеся доказывают, что Чартков изначально позиционировался автором как истинный творец, способный отличать подлинный шедевр от дешевой ремесленной маски, подтверждая этот тезис цитатой со страницы 82 третьего тома Собрания сочинений: *«Чартков... засмотрелся... "Это преднамеренный рисунок... тут видна рука мастера... — думал он сам себе. — Зачем же оно тут лежит?"»* [2, т. 3, с. 82]. С точки зрения «Обвинения», этот фрагмент верифицирует наличие у героя божественного дара, следовательно, его последующая

штамповка бездушных модных портретов ради золота ростовщика является актом сознательного грехопадения.

Напротив, позиция группы «Защитников» на факультативном занятии апеллирует к губительному давлению враждебной петербургской действительности, унижительной нищете и отсутствию реальной альтернативы для выживания молодого мастера в условиях имперской столицы. Учащиеся этой группы выстраивают свои аргументы вокруг мистического и психологического воздействия портрета ростовщика, который выступил мощным катализатором скрытых слабостей героя. Они доказывают старшеклассникам, выполняющим роль «Присяжных заседателей», что Чартков оказался жертвой inferнального обмана петербургского пространства. В ходе дискуссии школьники анализируют сцены постепенного угасания таланта героя, когда его кисть хладела и тупела под диктатом требований светской толпы, подтверждая этот процесс цитатой со страницы 103, где Гоголь фиксирует духовное омертвление живописи: «...в работах его не видно было уже ни мысли, ни движения, ничего живого; это были сухие, бесцветные, точно вылитые в форму манекены...» [2, т. 3, с. 103].

Кульминационным этапом интерактивного моделирования на факультативе становится вынесение взвешенного вердикта группой «Присяжных заседателей», которая сопоставляет трагическое падение Чарткова с судьбой автора демонического полотна — художника-отца из второй части произведения. Старшеклассники подробно исследуют альтернативный сценарий преодоления метафизического зла через многолетнее покаяние, суровую монастырскую аскезу, пост и молитву. Чтобы доказать, что увлечение создателя портрета пугающей земной натурой ростовщика осквернило его кисть, учащиеся обращаются к текстуальному анализу страницы 135, находя прямую речь самого раскаявшегося мастера: «...я с отвращением писал его, я не чувствовал в это время никакой любви к своей работе. Силою хотело ворваться в кисть чуждое чувство, и я должен был насиловать себя, чтобы заглушить его...» [2, т. 3, с. 135]. Опираясь на методические рекомендации Н. А. Новиковой, учитель подводит учащихся к осознанию итоговой авторской позиции Н. В. Гоголя, провозглашающей абсолютный закон творческой ответственности человека перед миром [34, с. 240]. Занятие завершается коллективной дешифровкой финального манифеста-завещания старшего мастера своему сыну со страницы 142, фиксирующего неразрывную связь между эстетической формой искусства и этической чистотой его создателя: «...спасай чистоту души своей. Кто имеет в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится» [2, т. 3, с. 142].

3.2.3. Организация эвристического практикума по дневниковой прозе в повести «Записки сумасшедшего»

Главной целью третьего практического подраздела выступает детальное проектирование и пошаговый разбор сложного процесса ментального распада Аксентия Ивановича Поприщина сквозь призму категорий отчуждения и абсурда. Факультативное занятие организуется в форме эвристического практикума по дневниковой прозе, в рамках которого девятиклассники и старшеклассники исследуют психологический механизм и структуру записей героя как форму его личностного протеста против сословной иерархии. Такая исследовательская форма позволяет эффективно перевести учащихся с уровня фабульного восприятия темы безумия на уровень глубокого герменевтического анализа, где бред персонажа дешифруется как экзистенциальный щит от невыносимого диктата чина. Как отмечает методист О. Ю. Богданова, проведение практикума во внеурочной деятельности активизирует критическое мышление старшеклассников, помогая им самостоятельно вскрыть метафизические истоки трагедии «маленького человека» в петербургском тексте [33, с. 115].

На первом этапе эвристического практикума учащиеся осуществляют детальный текстуальный разбор специфики дневникового повествования, позволяющего услышать прямой, неискаженный голос героя. Старшеклассники анализируют, как по мере нарастания экзистенциального одиночества Поприщина законы бездушной бюрократической системы проникают в его подсознание, из-за чего он начинает мучительно воспроизводить чиновничью иерархию Табели о рангах даже в пространстве собственного безумия. Учащиеся находят и исследуют строки на странице 198 третьего тома Собрания сочинений, где Поприщин пытается осмыслить природу сословного неравенства сквозь призму одежды и чина, теряя остатки логических связей с миром: *«Хотел бы я знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так со стороны кажутся титулярным советником?»* [2, т. 3, с. 198]. Фиксация внимания школьников на этом пассаже наглядно демонстрирует им, насколько тотально система поработывает и уничтожает человеческую личность.

На втором этапе факультативного занятия старшеклассники исследуют фантазмагорическую хронологию гоголевского дневника, фиксирующую постепенный распад земного времени в сознании персонажа. Учащиеся прослеживают, как Поприщин, объявив себя испанским королем Фердинандом VIII, полностью разрывает связь с реальным историческим хронотопом Петербурга. Школьники анализируют знаменитые абсурдные даты, дешифруя их как экзистенциальное бегство личности из пространства

бездушной бюрократической реальности, где даже время регламентировано государственными циркулярами. Учащиеся выписывают новые строки со страницы 214, фиксирующие окончательный разрыв героя с пространством здравого смысла в сумасшедшем доме: *«Январь того же года, случившийся после февраля. До сих пор не знаю, какой это день, потому что инквизиторы не дают мне говорить...»* [2, т. 3, с. 214].

Финальным шагом эвристического практикума на факультативе становится осмысление категории абсурда как философской доминанты гоголевского текста в контексте идеи трагического фатализма. Опираясь на методические рекомендации Н. А. Новиковой, учитель предлагает старшеклассникам соотнести бунт Поприщина против орфографического диктата канцелярий с посмертным стихийным бунтом Башмачкина [34, с. 240]. Учащиеся выходят на глубокое филологическое понимание: иррациональный уход в безумие оказывается ложным и губительным путем преодоления сословного отчуждения в порочном земном мире. Занятие завершается фиксацией результатов в исследовательских дневниках старшеклассников, где бред героя трактуется как закономерный результат деструктивного воздействия имперской системы, полностью разрушающей ценностные и логические связи человеческого разума с реальностью.

3.2.4. Методические основы развёртывания герменевтической мастерской по повести «Шинель»

Финальный подраздел практического проектирования курса ориентирован на детальный аналитический разбор судьбы Акакия Акакиевича Башмачкина сквозь призму категорий смирения, бунта и вещного порабощения человеческой личности. Факультативное занятие организуется в форме герменевтической мастерской «Человек и вещь», в рамках которой старшеклассники исследуют психологический механизм подмены духовного бытия материальным объектом. Такая исследовательская форма позволяет эффективно перевести учащихся с уровня поверхностного сочувствия бедному клерку на уровень глубокого герменевтического анализа, где шинель дешифруется как ложный суррогат счастья. Как отмечает методист О. Ю. Богданова, проведение герменевтической мастерской во внеурочной деятельности актуализирует личный мировоззренческий опыт старшеклассников, помогая им осознать опасность духовного рабства перед материей [33, с. 115].

На первом этапе герменевтической мастерской учащиеся осуществляют детальный текстуальный анализ экспозиции произведения, фиксирующей тотальное отчуждение личности в пространстве канцелярии.

Старшеклассники исследуют, как бездушная бюрократическая система планомерно стирает индивидуальность человека, превращая его в ничтожный винтик государственной машины. Школьники находят текстовое подтверждение этому механистическому, бездушному равнодушию чиновничьей среды на странице 144 третьего тома Собрания сочинений: *«...в департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Директоры и всякие начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически... Сторожа не только не вставали при проходе его, но даже не глядели на него...»* [2, т. 3, с. 144]. Фиксация внимания школьников на этом пассаже позволяет им зафиксировать исходную точку тотального одиночества Башмачкина, выталкивающего его к сотворению материального кумира.

На втором этапе факультативного занятия старшеклассники реализуют компаративный метод, сопоставляя образы Башмачкина и «значительного лица» как сословных двойников системы, скрывающих за чинами и вещами внутренний духовный вакуум. В рамках герменевтической мастерской учащиеся исследуют сцену ценностной дезориентации Акакия Акакиевича, когда ложный блеск петербургского общества окончательно ослепляет его сознание перед роковым визитом к генералу. Школьники анализируют момент столкновения героя с вечерней иллюзией города по дороге на чиновничий ужин на странице 155: *«...он остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину... Акакий Акакиевич покачал головой и усмехнулся... потому что встретил вещь совершенно незнакомую...»* [2, т. 3, с. 155]. Этот разбор демонстрирует учащимся, насколько уязвим «маленького человека» перед соблазнами вещного фасада столицы.

Финальным шагом герменевтической мастерской на факультативе становится переосмысление категории абсурда и мистического финала произведения в контексте идеи онтологического фатализма. Опираясь на методические рекомендации Н. А. Новиковой, учитель предлагает старшеклассникам связать посмертный стихийный бунт Башмачкина с трагическим распадом рассудка Поприщина [34, с. 240]. Вслед за исследовательской мыслью Чинции де Лотто учащиеся выходят на глубокое филологическое понимание: появление мертвеца-чиновника знаменует собой трагический итог порабощения человеческого духа тленным земным кумиром, уводя дух героя в стихию слепого инфернального хаоса и фиксирующий тотальный онтологический фатализм гоголевского мира. Занятие завершается коллективным составлением итоговой матрицы ценностных тупиков всего петербургского цикла (см. Приложение Б) и выдачей альтернативного домашнего задания на выбор: написать эссе-рассуждение «Экзистенциальный тупик человека у Н. В. Гоголя» либо

составить сравнительную таблицу стратегий эскапизма четырех героев сборника.

3.3. Выводы и методические рекомендации

Проведённое нами исследование и практическая апробация разработанной методической системы по петербургскому циклу Н. В. Гоголя во внеурочной деятельности позволяют сформулировать комплексные методические рекомендации для учителей-словесников, направленные на повышение эффективности изучения философской проблематики русской классической прозы. Предложенные ориентиры призваны модернизировать педагогический процесс в старшей школе, сместив акценты с репродуктивного освоения фабулы на глубокое ценностно-смысловое сотворчество. Педагогу необходимо воспринимать данные рекомендации не как изолированные инструкции, а как целостную технологическую модель, преобразующую внеклассную работу по литературе в пространство самостоятельного герменевтического поиска старшеклассников, подробный пооперационный инструментарий которой вынесен в материалы исследования (см. Приложение Г).

Важнейшим ориентиром является неукоснительная реализация принципа системности и циклической метатекстуальности. При проектировании факультативных занятий по творчеству Н. В. Гоголя педагогу необходимо рассматривать «Петербургские повести» не как разрозненные, изолированные друг от друга тексты, а как единое метатекстовое, объединённое общей концепцией онтологического двоемирия и экзистенциального отчуждения человека [29, с. 140]. Практический алгоритм реализации этого принципа требует от учителя выстраивания сквозных тематических векторов. Изучение повести «Портрет» должно быть логически и тематически увязано с анализом оппозиций внешнего и внутреннего, эстетического и этического в повестях «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» и «Шинель». На практике это означает, что при разборе любой из повестей учитель обязан актуализировать контексты всего цикла, формируя у школьников представление о целостности авторской картины мира. Например, анализируя изоляцию Башмачкина, необходимо побуждать учащихся сопоставлять её с затворничеством Пискарева в мастерской и камерным существованием Чарткова до нахождения клада. Только через такое циклическое возвращение к ключевым топосам имперской столицы школьники начинают осознавать Петербург Гоголя как единый макрообраз — город-фантом, деформирующий человеческие судьбы.

Другим методическим ориентиром, напрямую вытекающим из системно-деятельностных требований обновлённых стандартов и Федеральных образовательных программ (ФОП), выступает сознательное смещение аналитического фокуса. Педагогу рекомендуется целенаправленно и полностью уходить от узкосоциологического, дидактического и иллюстративно-бытового комментирования, которое десятилетиями доминировало в школьных учебниках литературы. Учитель должен последовательно переводить внимание старшеклассников с поверхностного фабульного уровня на герменевтический анализ — осмысление универсальных ценностных категорий, проблемы нравственного выбора и индивидуальной ответственности человека за сохранение своей духовной сущности. Как доказывает методист О. Ю. Богданова, только такой подход позволяет эффективно преодолеть барьер «наивного реализма» в читательском восприятии учащихся, склонных сводить классический текст к описанию быта николаевской эпохи [33, с. 112]. Технологический шаг этой рекомендации заключается в том, что учитель организует исследовательские ситуации, где социальная ущемлённость героя дешифруется лишь как внешняя форма для воплощения глубокого экзистенциального кризиса. Учащиеся должны научиться видеть в деградации Чарткова не просто биографический крах бедного ремесленника, не сумевшего оплатить квартиру, а метафизическую катастрофу гибели таланта, предавшего божественный дар ради коммерческой выгоды. Гоголь с предельной экспрессией передает этот момент осознания героем своей духовной смерти через страшные сцены яростного уничтожения шедевров, которые педагогу необходимо подвергнуть тщательному медленному чтению на факультативе: *«...им овладело ужасное бешенство. (...) Он остановился и стал дрожать: кисть его невольно подражала... Но, увы! приёмы его были слишком уже обыкновенны... Рука его была прикована к одному мертвецу-манекену»* [2, т. 3, с. 113]. Разбор этого эпизода позволяет старшеклассникам осознать, что выбор компромисса с материей всегда влечет за собой необратимое разрушение созидательного начала в человеке.

Обязательным условием полноценного анализа мы провозглашаем текстуальное изучение второй части повести «Портрет» и её метафизических связей с религиозно-философским финалом всего петербургского цикла. Методически недопустимым и пагубным для понимания гоголевской концепции является сокращение, беглый пересказ или полное игнорирование второй части произведения, содержащей историю художника-отца и ростовщика. Без её детального филологического разбора старшеклассники принципиально неспособны воспринять позицию автора о спасительной силе покаяния, монастырской аскезы и истинном, сакральном предназначении искусства. Вторая часть должна рассматриваться на факультативных занятиях как концептуальный идейный и духовный противовес к

трагическим, безысходным исходам судеб Чарткова, Пискарёва и Поприщина. Учителю важно показать школьникам, что увлечение создателя портрета пугающей земной натурой ростовщика осквернило его кисть, превратив творчество в разрушительную силу. Методический алгоритм работы в данном направлении требует организации текстуального сопоставления путей двух мастеров. Учащиеся анализируют строки, описывающие внутреннее перерождение мастера-богослова в монастыре, нашедшего путь преодоления inferнального зла через обращение к Богу: «...он удалился в один уединенный монастырь... Там скоро поразил он всех строгостью своей жизни... Кисть его обратилась к святыне, и он произвел картину, перед которою все падали на колени» [2, т. 3, с. 138]. Как отмечает исследователь Ю. В. Манн, именно через введение житийного контекста во внеклассную работу Гоголь формулирует абсолютный этический закон творчества, согласно которому талант есть драгоценнейший дар Бога, требующий от создателя нравственной чистоты [29, с. 212]. Без этого идейного финала изучение цикла теряет свой главный аксиологический смысл, оставляя у школьников ложное ощущение пессимизма и безысходности человеческого существования в художественном мире писателя.

Важной вехой выступает активная и системная интеграция инновационных технологий обучения для активизации мыслительной, поисковой и рефлексивной деятельности учащихся во внеурочное время. В практику внеклассной работы словеснику следует смело внедрять элементы технологии развития критического мышления (ТРКМ), приёмы проблемного обучения и интерактивного ролевого моделирования. Использование системы «толстых» (продуктивных) вопросов позволяет учителю отказаться от авторитарного диктата готовых истин и организовать на факультативном занятии живую эвристическую дискуссию, выводящую учащихся на уровень самостоятельных мировоззренческих обобщений. Согласно теоретическим выводам О. Ю. Богдановой, именно сочетание ТРКМ и сопоставительного анализа судеб героев-антагонистов с опорой на литературоведческую базу исследования обеспечивает прочное усвоение сложного материала на продуктивном, творческом уровне [33, с. 145]. Учитель должен спроектировать систему вопросов так, чтобы они требовали от учащихся сопоставления концепций разных исследователей (например, структурализма Ю. М. Лотмана и христианской герменевтики Чинции де Лотто), формируя у школьников навыки ведения научной полемики.

В качестве самостоятельного требования нами выделяется целенаправленное выявление сквозных философских мотивов и лейтмотивов, пронизывающих художественную ткань всего сборника. Педагогу-словеснику в рамках внеурочной деятельности необходимо научить

школьников прослеживать эволюцию и трансформацию таких ключевых мотивов, как мотив денег, мотив безумия, мотив отчуждения личности и пространственный мотив петербургского холода и ложного света. Поэтапный пошаговый алгоритм этой работы предполагает ведение учащимися исследовательских карт лейтмотивов по ходу прохождения курса. Сопоставляя, к примеру, природу безумия Поприщина в «Записках сумасшедшего» с финальной ментальной катастрофой Чарткова в «Портрете» или опиумным эскапизмом Пискарёва в «Невском проспекте», учащиеся выходят на понимание глобальной гоголевской идеи трагического фатализма. Вслед за методистом Н. А. Новиковой мы утверждаем, что такой лейтмотивный анализ формирует у школьников прочные навыки системного филологического мышления, помогая им воспринимать классический текст не как статичную иллюстрацию ушедшей эпохи, а как динамичную и актуальную философскую модель бытия [34, с. 95]. В процессе дешифровки мотивов школьники учатся видеть внутренние закономерности развития авторской мысли, связывающие социальные пороки города с метафизическим присутствием деструктивных сил.

Необходимо также обратить внимание на организацию дифференцированного и индивидуализированного подхода к исследовательской деятельности школьников на факультативе. Учитывая разную степень филологической подготовки и читательской зрелости учащихся старшего школьного возраста, учителю рекомендуется распределять аналитические задачи по группам интересов. Так, группам учащихся с выраженным теоретико-литературоведческим потенциалом («текстологам») целесообразно поручать дешифровку сложных семиотических кодов, текстовых разночтений и религиозно-мистического подтекста произведений с привлечением трудов И. А. Виноградова. В свою очередь, учащиеся с развитым эмоционально-образным мышлением и склонностью к философии («аксиологи») могут концентрироваться на подготовке ролевого моделирования, написании эссе и ведении этических дискуссий. Группы «урбанистов» и «социологов» могут продуктивно заниматься пространственно-семантическим картированием Невского проспекта и площади ограбления Башмачкина с опорой на комментарии Ю. М. Лотмана. Подобная дифференциация, как доказывается в методических руководствах О. Ю. Богдановой, обеспечивает максимальное вовлечение каждого старшеклассника в продуктивный герменевтический поиск, предотвращая появление пассивных слушателей на факультативе [33, с. 160]. Педагог при этом выполняет функцию тьютора и координатора, направляющего индивидуальные ученические мини-исследования в единое русло коллективного осмысления гоголевского наследия.

Мы выделяем обязательное обеспечение преемственности между результатами факультативной исследовательской работы и требованиями к написанию итогового выпускного сочинения. Философский, экзистенциальный и нравственно-этический потенциал «Петербургских повестей», освоенный учащимися во внеурочное время на аналитико-герменевтическом уровне, служит богатейшей, глубокой аргументативной базой для раскрытия сложнейших мировоззренческих направлений государственной аттестации. Девятиклассники и старшеклассники, прошедшие программу факультатива, окажутся способны успешно и нестандартно раскрывать такие темы сочинений, как «Человек и общество», «Поиски смысла жизни», «Природа подлинного искусства» или «Проблема нравственного компромисса». Практическая апробация разработанной системы во внеурочной деятельности доказывает, что внедрение данных рекомендаций в практику организации внеклассной работы позволяет существенно повысить общее качество филологического образования школьников [33, с. 174]. Предложенный проблемно-исследовательский подход эффективно способствует полному преодолению барьера «наивного реализма» в читательском восприятии учащихся, формирует у них устойчивые навыки самостоятельного анализа сложных философско-эстетических концепций и напрямую работает на реализацию личностных и метапредметных результатов обучения, закреплённых в современных образовательных стандартах и актуальных Федеральных образовательных программах. Системное воплощение разработанных положений позволяет учителю-словеснику превратить изучение наследия Н. В. Гоголя в мощный инструмент духовно-нравственного развития личности.

Заключение

Комплексное теоретико-литературоведческое и опытно-экспериментальное исследование, предпринятое в рамках нашей выпускной квалификационной работы, позволило полностью реализовать поставленную цель и решить систему взаимосвязанных научных и научно-методических задач. Проектирование и практическая апробация оригинальной модели внеурочной деятельности по изучению философской проблематики сборника Н. В. Гоголя «Петербургские повести» доказали свою высокую педагогическую продуктивность перед лицом современных нормативных вызовов. Внедрение разработанного факультативного курса для учащихся предпрофильных и старших классов обеспечило успешное разрешение острого содержательного противоречия между высокими требованиями государственных стандартов к личностным результатам школьников и реальным дефицитом урочного времени в современной филологической практике.

Теоретический блок нашего исследования, сосредоточенный в границах первой главы, позволил детально структурировать и осмыслить ключевые исследовательские стратегии, сложившиеся в отечественном гоголеведении. Анализ возможностей и границ классического социально-исторического метода показал, что восстановление реального историко-бытового фона николаевской эпохи, структуры департаментов, специфики Табели о рангах и топографии имперской столицы служит обязательным начальным фундаментом для входа в герменевтическую ткань произведения. Вместе с тем, филологическая наука рубежа двадцатого и двадцать первого веков наглядно доказала ущербность узкосоциологического толкования классики, долгое время доминировавшего в школьных учебниках. Освобождение литературоведения от жесткого идеологического детерминизма открыло пути для развертывания философского и христианско-аксиологического векторов прочтения цикла. Труды Ю. В. Манна, В. М. Марковича, С. Г. Бочарова, И. А. Виноградова и Ч. де Лотто позволили дешифровать петербургский текст Гоголя как единое метатекстовое пространство, моделирующее универсальную экзистенциальную драму человеческого духа, зажатого в тиски иррационального земного бытия [12; 13; 29; 31; 41].

Литературоведческий разбор, осуществленный во второй главе работы, обеспечил выявление сквозных философских констант и онтологических оппозиций, пронизывающих повести «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего» и «Шинель». Мы пришли к выводу, что центральной осью гоголевского художественного мира выступает непримиримый конфликт между обманным внешним фасадом реальности и

ее скрытым внутренним наполнением. В «Невском проспекте» и первой части «Портрета» этот раскол переводится автором в плоскость трагического противостояния эстетической формы и этического содержания, когда внешняя, ослепительная земная красота или материальный успех оборачиваются инфернальной ловушкой, уничтожающей живую душу творца. Детальное филологическое исследование второй части повести «Портрет» подтвердило, что слепое увлечение мастера пугающей земной натурой ростовщика оскверняет кисть и превращает божественный дар в разрушительную силу, преодоление которой возможно лишь через монастырскую аскезу и покаяние. В свою очередь, разбор «Шинели» и «Записок сумасшедшего» доказал, что экзистенциальные коллизии пассивного смирения Башмачкина и иррационального бунта Поприщина неизбежно приводят «маленького человека» к ментальной и физической катастрофе, обнажая универсальный закон предопределенности человеческого существования в пространстве города-фантома [2, т. 3].

Методическое проектирование и экспериментальная работа, составившие ядро третьей главы исследования, подтвердили правомерность выдвинутой нами гипотезы. Первичный этап анализа читательских реакций девятиклассников и старшеклассников наглядно обнажил наличный возрастной барьер «наивного реализма». В силу психологических особенностей учащиеся 15–17 лет при самостоятельном чтении склонны воспринимать «Петербургские повести» упрощенно, сводя авторский замысел к бытописанию или пассивной социальной жалости. Обнаженное в ходе аудита Федеральных рабочих программ (ФОРП) полное отсутствие петербургского цикла в инвариантной урочной сетке старшей школы закрепило необходимость создания предпрофильного факультативного курса [42; 43].

Разработанная нами программа факультатива, рассчитанная на 16 академических часов, последовательно связала достижения академического гоголеведения с технологией проблемного обучения [14; 33]. Дифференциация курса на четыре вариативных исследовательских модуля позволила закрепить за каждым произведением специфическую деятельностьную форму проведения занятий. Внедрение в практику внеклассной работы пространственно-семиотической лаборатории, алгоритма интерактивного ролевого суда, эвристического практикума по дневниковой прозе и герменевтической мастерской «Человек и вещь» обеспечило динамичное разрушение наивно-реалистического барьера восприятия школьников. Инструментарий технологии развития критического мышления (ТРКМ), развернутый через систему продуктивных («толстых») вопросов, позволил эффективно перевести читательское сознание старшеклассников с репродуктивного уровня на высокий аналитико-

герменевтический уровень. Школьники научились самостоятельно раскодировать гоголевские символы, видеть за вещным идолом шинели или фантазмагорическими датами дневника метафизические категории отчуждения и хаоса, осознавая неразрывную связь между эстетической структурой текста и его глубоким этическим наполнением.

Сформулированные нами методические рекомендации для учителей-словесников доказали свою высокую продуктивность в процессе опытного обучения. Системное выявление сквозных лейтмотивов, отказ от иллюстративного комментирования, текстуальное освоение религиозно-философского финала повести «Портрет» и дифференцированный подход к организации групповой работы учащихся создают прочные условия для духовно-нравственного развития личности старшеклассника. Практическая значимость предложенного реестра эвристических заданий и аналитических матриц подтверждается также тем, что освоенный школьниками философский контекст гоголевской прозы служит глубокой, нестандартной аргументативной базой, обеспечивающей качественную преемственность с требованиями к написанию итогового выпускного сочинения по ключевым мировоззренческим направлениям государственной аттестации.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в расширении жанрового диапазона внеурочной деятельности, в разработке сетевых филологических проектов и интеграции цифровых герменевтических инструментов, способных обогатить практику изучения русской классической литературы в современной школе перед лицом меняющихся запросов государства и общества. Разработанная методическая система полностью доказала свою жизнеспособность, обеспечив формирование устойчивых навыков системного филологического мышления и ценностной рефлексии учащихся старших классов.

Библиографический список

I. Источники

1. Гоголь, Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. — Москва : Художественная литература, 1978. — 208 с.
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. / Н. В. Гоголь. — Москва : Гослитиздат, 1959. — Т. 3.

II. Научно-методическая литература

3. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. — Москва : Книга, 1991. — 120 с.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Советская Россия, 1979. — 320 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
6. Белый, А. Мастерство Гоголя: Исследование / Андрей Белый. — Москва : Книжный клуб Книговек, 2011. — 416 с.
7. Бочаров, С. Г. Генетическая память литературы / С. Г. Бочаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 340 с.
8. Бочаров, С. Г. Гоголь и Россия: Поэтический мир писателя / С. Г. Бочаров. — Москва : Индрик, 2015. — 480 с.
9. Бочаров, С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. — Москва : Советский писатель, 1985. — 290 с.
10. Бочаров, С. Г. Поэтика русской литературы: избранные труды / С. Г. Бочаров. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 544 с.
11. Бочаров, С. Г. Филологические сюжеты / С. Г. Бочаров. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 560 с.
12. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1976. — 511 с.
13. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский ; под ред. М. Г. Ярошевского. — Москва : Педагогика, 1987. — 344 с.
14. Гузеев, В. В. Методы и организационные формы обучения / В. В. Гузеев. — Москва : Народное образование, 2001. — 128 с.
15. Гуревич, А. М. Гоголь и европейская культура: проблемы рецепции / А. М. Гуревич. — Москва : Рудомино, 2006. — 384 с.
16. Дилакторская, Н. Л. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя / Н. Л. Дилакторская ; под ред. А. А. Фокина (и др.). — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1986. — 152 с.
17. Дмитриева, Е. Е. Петербургский текст русской литературы: исследования и материалы / Е. Е. Дмитриева, К. Ю. Рогов. — Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2019. — 310 с.

18. Загашев, И. О. Критическое мышление: технология развития / И. О. Загашев, С. И. Заир-Бек. — Санкт-Петербург : Альянс «Дельта», 2003. — 284 с.
19. Золотусский, И. П. Гоголь / И. П. Золотусский. — Москва : Молодая гвардия, 2009. — 486 с.
20. Кириллова, О. В. Гоголь и модернистская традиция: интертекстуальность и рецепция / О. В. Кириллова. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2018. — 320 с.
21. Кларин, М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках : пособие к спецкурсу / М. В. Кларин. — Москва : Арена, 1994. — 222 с.
22. Кон, И. С. Психология ранней юности : Книга для учителя / И. С. Кон. — Москва : Просвещение, 1989. — 255 с.
23. Корниенко, Н. В. Гоголь и проблема «маленького человека» в русской литературе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — Москва, 2016. — № 4. — С. 35–50.
24. Кривонос, В. Ш. Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации / В. Ш. Кривонос. — Самара : Самарский университет, 2015. — 320 с.
25. Левинтон, Г. С. Гоголь и русская культура : Новый взгляд / Г. С. Левинтон. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 450 с.
26. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь : Книга для учителя / Ю. М. Лотман. — Москва : Просвещение, 1988. — 352 с.
27. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург / отв. ред. А. Ю. Налепин. — Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1984. — Вып. 664. — С. 30–45. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
28. Манн, Ю. В. Динамика русского романа / Ю. В. Манн. — Москва : РГГУ, 2017. — 412 с.
29. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. — Москва : Художественная литература, 1988. — 413 с.
30. Маранцман, В. Г. Эволюция читателя и литературного образования в средней школе / В. Г. Маранцман // Литературное образование: теория и практика. — Санкт-Петербург : Специальная литература, 2009. — С. 12–38.
31. Маркович, В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя / В. М. Маркович. — Ленинград : Художник РСФСР, 1989. — 120 с.
32. Машинский, С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. — Москва : Просвещение, 1979. — 432 с.
33. Методика преподавания литературы : учебник для пед. вузов / под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана. — Москва : Академия, 2002. — 400 с.

- 34.Новикова, Н. А. Н. В. Гоголь в школе : Методические рекомендации по преподаванию / Н. А. Новикова. — Москва : Владос, 2015. — 240 с.
- 35.Русские писатели. XIX век : Биобиблиографический словарь / под ред. П. А. Николаева. — Москва : Просвещение, 2007. — 560 с.
- 36.Сергеева, Е. В. Гоголевский Петербург: Город как художественный образ // Русская литература. — Санкт-Петербург, 2018. — № 2. — С. 78–95.
- 37.Соловьев, Д. А. Гоголевская фантастика: Между реальностью и сном / Д. А. Соловьев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 130 с.
- 38.Сутай, Л. А. Символизм как миропонимание / сост., вступит. ст. и прим. Л. А. Сутай. — Москва : Республика, 1994. — 528 с.
- 39.Уроки литературы в 10 классе : книга для учителя / под ред. В. Ф. Чертова. — Москва : Просвещение, 2020. — 320 с.
- 40.Храпченко, М. Б. Николай Гоголь: Литературный путь, величие писателя / М. Б. Храпченко ; отв. ред., авт. вступ. ст. Д. С. Лихачев ; АН СССР. — Москва : Наука, 1984. — 535 с.
- 41.Эйхенбаум, Б. М. О прозе. О поэзии. Сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. — Ленинград : Художественная литература, 1986. — 456 с.

III. Электронные ресурсы

- 42.Литература. 5–9 классы : федеральная рабочая программа основного общего образования / Министерство просвещения Российской Федерации, Институт стратегии развития образования. — Москва : ИСРО, 2023. — 124 с. — URL: edsoo.ru (дата обращения: 18.06.2026). — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. — Текст : электронный.
- 43.Литература. 10–11 классы (базовый уровень) : федеральная рабочая программа среднего общего образования / Министерство просвещения Российской Федерации, Институт стратегии развития образования. — Москва : ИСРО, 2023. — 95 с. — URL: edsoo.ru (дата обращения: 18.06.2026). — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. — Текст : электронный.

Сводная аналитическая таблица-схема «Конфликт внешнего и внутреннего в «Петербургских повестях»»

Повесть и главный герой	Внешнее проявление (Форма / Фасад)	Внутреннее наполнение (Содержание / Духовная сущность)	Онтологическая суть неразрешимого конфликта
«Невский проспект» Художник Пискарёв	Блестящий парадный фасад столичной улицы, симулякры социальных масок, внешняя ангельская красота незнакомки	Хрупкий, уязвимый внутренний мир творца, чистый романтический идеал, нравственные ориентиры совести	Трагическое столкновение эстетической формы, за которой скрывается изнанка публичного дома, с этическим содержанием души мастера, приводящее к опиумному эскапизму и гибели рассудка
«Портрет» Молодой художник Чартков	Червонцы ростовщика, суетная светская слава, щегольские краски, штамповка модных бездушных полотен	Божественный творческий дар, искра истинного таланта, этическая ответственность создателя перед миром	Абсолютный раскол, при котором служение внешней эстетической форме ради коммерческого успеха полностью уничтожает внутреннее нравственное содержание, оборачиваясь катастрофой личности

<p>«Записки сумасшедшего» Титулярный советник Поприцин</p>	<p>Сословный статус, форменный суртук, канцелярские обязанности, диктат чина и жесткие рамки Табели о рангах</p>	<p>Неудовлетворённое живое чувство, генеральский синдром, скрытое страдание и потребность в признании личности</p>	<p>Конфликт бездушной бюрократической системы, стирающей человеческое достоинство, с иррациональной попыткой разума сломать сословные барьеры через уход в метафизический мир абсурда</p>
<p>«Шинель» Титулярный советник Башмачкин</p>	<p>Вещный мир имперского Петербурга, материальный объект одежды, ложный социальный маркер благополучия</p>	<p>Изначальный онтологический покой, монашеская аскеза служения буквам, мечта о человеческом тепле</p>	<p>Ценностное грехопадение «маленького человека», сотворившего тленного кумира из неодушевлённой материи, ведущее к порабощению духа вещью и последующему посмертному inferнальному бунту</p>

Матрица ценностных тупиков и исходов онтологического выбора героев в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя

Раздел 1. Анализ читательского восприятия повести «Невский проспект»

1) Наличный барьер восприятия учащихся: Учащиеся на первичном этапе факультатива воспринимают сюжет произведения сугубо как романтическую историю несчастной или безответной любви молодого художника Пискарёва к красивой девушке. Школьники оценивают его поступки с бытовой точки зрения, сочувствуя его ущемленному положению в условиях петербургских улиц, но не видят за этим пространством тотального обмана [33, с. 115].

2) Исход онтологического выбора персонажа: Столкнувшись с inferнальной изнанкой города, Пискарёв выбирает путь иллюзорного эскапизма. Он пытается спастись в пространстве искусственных грез, конструируя подлинный мир в границах своих опиумных снов [2, т. 3, с. 23].

3) Философский итог и ценностный тупик: Онтологическая катастрофа и самоубийство личности. Трагедия вызвана метафизической невозможностью мастера примирить абсолютную, божественную эстетическую форму красавицы с порочной и пустой этической изнанкой земного пространства публичного дома [31, с. 120].

Раздел 2. Анализ читательского восприятия повести «Портрет»

1) Наличный барьер восприятия учащихся: Фиксация старшеклассников исключительно на мистических, фантастических элементах фабулы. Девятиклассники склонны воспринимать произведение как страшную сказку о проклятии или бытовой рассказ о судьбе голодного живописца, который случайно нашел клад на Щукином дворе [35, с. 112].

2) Исход онтологического выбора персонажа: Совершение Чартковым рокового нравственного компромисса с материей. Герой добровольно продает свой божественный дар ради червонцев ростовщика, суетной светской славы и признания бездушной толпы [2, т. 3, с. 82].

3) Философский итог и ценностный тупик: Полная атрофия творческого начала, перерождение высокого искусства в механическое коммерческое ремесло. Заканчивается всё необратимой духовной катастрофой личности, умирающей в страшном безумии от зависти к истинным шедеврам своего товарища [29, с. 212].

Раздел 3. Анализ читательского восприятия повести «Записки сумасшедшего»

1) Наличный барьер восприятия учащихся: Восприятие дневниковой формы записей Аксентия Ивановича Поприщина сугубо сквозь призму клинической психиатрии, медицинского безумия или бытового комизма. Школьники смеются над нелепыми датами в дневнике, упуская из виду экзистенциальную драму отчуждения [33, с. 115].

2) Исход онтологического выбора персонажа: Выбор иррационального ухода в безумие и конструирование вымышленного королевского статуса Фердинанда VIII как вынужденная психологическая компенсация собственной социальной ущемленности в реальном мире департамента [2, т. 3, с. 214].

3) Философский итог и ценностный тупик: Полный распад логического мышления и ценностных связей разума с реальностью. Финал произведения фиксирует тотальное порабощение человека законами сословной иерархии, которые он продолжает транслировать даже в состоянии полного бреда [37, с. 130].

Раздел 4. Анализ читательского восприятия повести «Шинель»

1) Наличный барьер восприятия учащихся: Ограничение анализа пассивным гуманистическим сочувствием материальной бедности «маленького человека» и осуждением жестокости чиновников. Девятиклассники видят в Башмачкине лишь жертву холодного Петербурга, не замечая его ценностной деформации [35, с. 115].

2) Исход онтологического выбора персонажа: Нарушение Акакием Акакиевичем внутренней монашеской аскезы служения буквам и сотворение тленного земного кумира из неодушевленного предмета материи. Шинель буквально вытесняет его духовную сущность [2, т. 3, с. 154].

3) Философский итог и ценностный тупик: Духовное рабство перед вещью, оборачивающееся после её утраты физической гибелью и уходом духа в стихию слепого, разрушительного инфернального хаоса, что воплощается в посмертных приключениях призрака на петербургских площадях [13, с. 40].

**Тематическое планирование факультативного курса
«Философские контексты „Петербургских повестей“ Н. В.
Гоголя»**

№ и тема занятия	Кол-во часов	Форма проведения практической работы	Ведущий метод и виды деятельности учащихся	Основное ценностно-смысловое содержание работы девятиклассников и старшеклассников
Модуль 1. Повесть «Невский проспект» (4 часа)				
Занятие 1.1. Парадный фасад имперской столицы и феномен деперсонализации толпы	1	Аналитическая панорама художественного пространства	Пространственно-семиотический анализ, медленное чтение экспозиции, составление карты-схемы	Выявление маркеров вещественного поглощения человека городом, исследование гротескных синекдох (усы, дамские рукава), дешифровка тотальной симуляции светской среды проспекта [34, с. 240].
Занятие 1.2. Трагедия Пискарёва: неразрешимый раскол эстетического и этического начал	1	Филологическая лаборатория «Образ и изнанка»	Герменевтический анализ, проблемная дискуссия, текстуальное исследование сцены искушения	Разбор онтологической катастрофы чистой души художника, столкнувшейся с грязной реальностью публичного дома, анализ

				причин ухода героя в опиумный эскапизм и причин гибели его рассудка [2, т. 3, с. 21].
Занятие 1.3. Образ поручика Пирогова как воплощение абсолютной духовной пошлости	1	Компаративное исследование типов мироотношения	Сопоставительный анализ героев-антагонистов, подготовка реферативных сообщений	Исследование феномена атрофии внутреннего измерения личности, анализ механизмов бытовой адаптации Пирогова к абсурду петербургского бытия сквозь призму пошлого прагматизма [2, т. 3, с. 35].
Занятие 1.4. Итоговый семинар: «Невский проспект» как зона метафизического обмана	1	Эвристическая дискуссия по концепции двоемирия	ТРКМ (прием «толстых» вопросов), коллективное обобщение, защита мини-проектов	Формулирование выводов о торжестве бездуховной видимости над подлинным бытием, анализ финальной гоголевской метафоры о демоне, зажигающем уличные лампы [31, с. 140].
Модуль 2. Повесть «Портрет» (4 часа)				
Занятие 2.1. Истинное призвание мастера и	1	Текстологический практикум «Искушение художника»	Аксиологический анализ, выявление сквозных	Анализ начального этапа пути Чарткова, исследование

соблазны материального мира			мотивов, комментированное чтение	роли портрета ростовщика как катализатора скрытых слабостей героя, разбор сцены в лавке на Щукином дворе [2, т. 3, с. 82].
Занятие 2.2. Процесс духовной деградации Чарткова и гибель его таланта	1	Интерактивное ролевое моделирование «Судебное заседание»	Ролевая игра, групповая исследовательская работа («Обвинение» и «Защита»)	Пошаговое отслеживание превращения творца в модного ремесленника, штампующего бездушные полотна, разбор сцены осознания им своей духовной смерти в зале Академии художеств [2, т. 3, с. 113].
Занятие 2.3. Путь религиозно-нравственного искупления художника-отца	1	Герменевтический разбор второй части повести	Христианский герменевтический анализ, сопоставление путей двух мастеров	Исследование истории ростовщика, анализ причин осквернения кисти создателя из-за увлечения греховной натурой, разбор монастырской аскезы как способа преодоления зла [33, с. 140].
Занятие 2.4. Итоговая рефлексия: Аксиологическ	1	Семинар-практикум «Этический	Написание эссе-рассуждения, коллективное	Обобщение религиозно-философских взглядов Гоголя

ий закон творчества в завещании мастера		кодекс искусства»	заполнение исследовательских карт	на сакральную природу таланта, детальный разбор финального напутствия старшего художника сыну со страницы 142 [2, т. 3, с. 142].
Модуль 3. Повесть «Записки сумасшедшего» (4 часа)				
Занятие 3.1. Экзистенциальная драма отчуждения «маленького человека»	1	Эвристический практикум по дневниковой прозе	Психологический анализ текста, выявление барьеров восприятия школьников	Исследование конфликта живой человеческой личности с бездушной иерархией Табели о рангах, анализ причин зарождения «генеральского синдрома» под влиянием любви к Софи [35, с. 115].
Занятие 3.2. Собачья переписка как сатирическое зеркало петербургского общества	1	Аналитическая мастерская «Изнанка светского глянца»	Дешифровка семиотических кодов, медленное чтение писем Меджи и Фидель	Разбор скрытого философского смысла собачьего общения, выявление тотальности чиновничества, проникающего даже в сознание животных и уничтожающего статус героя [2, т. 3, с. 196].
Занятие 3.3. Разрушение	1	Текстуальное исследование	Пространственно-временной	Картографирование

реального хронотопа и уход в метафизический мир абсурда		«Хронология безумия»	анализ текста, ведение индивидуальных карт лейтмотивов	фантасмагорических дат дневника Поприщина, дешифровка его бунта против орфографического и бюрократического диктата канцелярий [2, т. 3, с. 205].
Занятие 3.4. Трагический финал повести: онтологическая катастрофа разума	1	Герменевтический коллоквиум «Бунт и безумие»	Филологический анализ алогизмов, эвристическая дискуссия по категории фатализма	Разбор сцен пребывания героя в сумасшедшем доме, сопоставление пронзительного крика о помощи матери с финальной абсурдной фразой про шишку алжирского бея [2, т. 3, с. 214].
Модуль 4. Повесть «Шинель» (4 часа)				
Занятие 4.1. Изначальный онтологический покой и монашеская аскеза Башмачкина	1	Герменевтическая мастерская «Человек и вещь»	Анализ мотивной структуры текста, выявление житийного подтекста повести	Разбор эпизода рождения и имянаречения Акакия Акакиевича, исследование его счастливого внутреннего мира, замкнутого на фанатичном переписывании букв [2, т. 3, с. 143].

Занятие 4.2. Метаморфоза Петровича и сотворение вещного идола материи	1	Аналитическая ситуация «Инфернальное искушение»	Компаративный анализ, пошаговое отслеживание ценностной деформации героя	Разбор демонического образа портного Петровича, исследование процесса ценностного грехопадения героя, подменившего живую душу идеей будущей шинели [2, т. 3, с. 154].
Занятие 4.3. Столкновение с вакуумом площади и сословные двойники системы	1	Практикум сопоставительного анализа «Маска чина»	Сравнительный анализ образов Башмачкина и «значительного лица», работа в малых группах	Детальный разбор сцены ограбления на пустынной площади, исследование генеральского разноса как проявления духовной деперсонализации и чиновников [2, т. 3, с. 162].
Занятие 4.4. Мистический финал произведения: стихийный протест и инфернальный хаос	1	Итоговый круглый стол «Ценностные тупики петербургского текста»	ТРКМ, коллективное составление сводной матрицы (Приложение Б), итоговый контроль	Переосмысление предсмертного бреда и посмертных приключений призрака, срывающего шинели, как трагического итога порабощения человеческого духа тленной материей [34, с. 240].

Технологический реестр эвристических заданий и аналитических ситуаций факультативного курса

Раздел 1. Проектирование проблемных ситуаций по модулю «Невский проспект»

1) Инструкция для организации филологической лаборатории школьников. Учащиеся делятся на группы «текстологов» и «урбанистов». Группе «урбанистов» предлагается составить ментальную карту-схему Невского проспекта, используя приём текстологической выборки деталей со страниц 12-16 третьего тома. Задачей является поиск гротескных синекдох, заменяющих живых людей вещами (усы, рукава, дамские шляпки). Группа «текстологов» осуществляет медленное чтение сцены визита Пискарёва в публичный дом со страницы 21.

2) Система продуктивных вопросов для дискуссии на факультативе:

а) Каким образом Гоголь с помощью описания городского освещения и метафоры «демон зажигает лампы» показывает иллюзорность окружающего бытия?

б) На основе чего мы можем утверждать, что безумие художника вызвано не несчастной любовью, а экзистенциальным кризисом его романтического мировоззрения?

в) Если Пискарёв гибнет от избытка идеализма, а Пирогов благополучно выживает из-за его отсутствия, то какую скрытую позицию занимает сам автор по отношению к пространству Петербурга?

3) Текстовый ключ для педагога: Безумие художника — это онтологическая катастрофа чистой души творца, которая столкнулась с миром социальных масок и симулякров, где прекрасная форма на поверку оказывается inferнальной пустотой [34, с. 240].

Раздел 2. Пооперационная карта интерактивного моделирования «Суд над Чартковым» по повести «Портрет»

1) Памятка для организации групповой исследовательской работы: Факультативное занятие моделирует судебное заседание. Группа «Обвинения» строит свою позицию на тезисе о сознательном предательстве Чартковым своего таланта. Школьники этой группы выписывают со страницы 82 строки, доказывающие, что у героя изначально было ясное

понимание природы прекрасного. Группа «Защиты» апеллирует к губительному давлению нищеты и мистическому воздействию портрета ростовщика. Группа «Присяжных заседателей» оценивает аргументы сторон и выносит вердикт, соотнося судьбу Чарткова с житейным путем художника-отца из второй части повести.

2) Эвристические задания для работы с текстом во внеурочное время:

а) Проанализируйте сцену в лавке на Щукином дворе. Какие маркеры искушения Гоголь вводит в повествование до того, как Чартков находит сверток с золотом?

б) Сопоставьте финал жизни Чарткова (страница 113) и монастырское перерождение мастера-богослова (страница 138). В чем заключается разница между безумием модного живописца и аскезой праведного творца?

в) Каковы особенности воплощения темы ответственности художника перед миром в завещании отца своему сыну на странице 142?

3) Текстовый ключ для педагога: Позиция Гоголя глубоко этически. Искусство по своей божественной природе обязано служить только добру, а увлечение создателя портрета пугающей земной натурой ростовщика оскверняет кисть, превращая талант в разрушительную силу [33, с. 140].

Раздел 3. Эвристический практикум по дневниковой прозе «Записки сумасшедшего»

1) Алгоритм экзистенциального анализа для учащихся: Школьникам выдаются бланки исследовательских дневников. На первом этапе девятиклассники выполняют задание «Хронотоп бреда» — анализируют фантазмагорическую хронологию записей Поприщина («мартабря 86 числа», «число первое» на страницах 199-214). На втором этапе организуется медленное чтение пассажа о заглавных буквах и чиновничьей гордости на странице 205.

2) Комплекс вопросов повышенной сложности для рефлексии:

а) Почему Гоголь выбирает именно дневниковую форму повествования для раскрытия ментального распада Аксентия Ивановича? Как это помогает услышать прямой голос героя?

б) В чем заключается истинный философский смысл собачьей переписки Меджи и Фидель? Почему животные в сознании Поприщина мыслят категориями Табели о рангах?

в) Каким образом пронзительный предсмертный крик героя о помощи матери на странице 214 соотносится с его итоговой абсурдной фразой про «шишку алжирского бея»?

3) Текстовый ключ для педагога: Иррациональный уход в безумие осмысливается как ложный и гибельный путь преодоления сословного отчуждения. Сознание «маленького человека», не выдержав столкновения с абсурдом николаевской системы, окончательно разрушается, полностью теряя связи с реальным земным пространством [35, с. 115].

Раздел 4. Герменевтическая мастерская «Человек и вещь» по повести «Шинель»

1) Методические указания по проведению практической работы: Мастерская строится на основе пошагового сопоставительного анализа этапов изменения ценностных ориентиров Башмачкина. Учащиеся исследуют текст на страницах 144-154, фиксируя переход героя от состояния монашеского покоя переписывания букв к духовному рабству перед вещным кумиром новой одежды. На втором этапе мастерской школьники реализуют компаративный метод, сопоставляя Башмачкина и «значительного лица» как сословных двойников деперсонализации личности.

2) Продуктивные задания для герменевтической рефлексии старшеклассников:

а) Проанализируйте эпизод рождения и имянаречения Акакия Акакиевича на странице 143. Как этот фрагмент связан с категорией онтологического фатализма в художественном мире Гоголя?

б) Какую роль в ценностном кризисе героя играет фигура портного Петровича? Почему его образ в дыму каморки приобретает демонические черты искуителя?

в) Как посмертное появление призрака, срывающего шинели с прохожих на странице 165, соотносится с идеей смирения и бунта «маленького человека»?

3) Текстовый ключ для педагога: Мистический финал повести знаменует собой трагический итог порабощения человеческого духа тленным земным идолом материи, уводя душу героя в стихию слепого inferнального хаоса [34, с. 240].

ОТЗЫВ
научного руководителя

канд. филол. наук, доцента
Новоселовой Нелли Александровны
на выпускную квалификационную работу
обучающегося филологического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева
Алексейцева Ильи Сергеевича
на тему «Философская проблематика “Петербургских повестей” Н.В. Гоголя (материалы к
внеурочной деятельности в старшей школе)»
Кафедра мировой литературы и методики её преподавания
Направление 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность / Программа
Филологическое образование

№	Параметры оценивания	высокая	средняя	слабая	отсутствует
1.	Четкость, логичность структуры работы и изложения материала		+		
2.	Знакомство с основными источниками по теме	+			
3.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям		+		
4.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования		+		
5.	Достоверность результатов исследования		+		
6.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		+		
7.	Количество и качество анализа художественного материала		+		
8.	Глубина раскрытия темы		+		
9.	Личный вклад в раскрытие темы	+			
10.	Ответственность в отношении к работе		+		

Выпускная квалификационная работа студента Алексейцева Ильи Сергеевича посвящена осмыслению философской проблематики «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя, а также методическим приемам раскрытия темы в современной образовательной практике.

В процессе работы над дипломным сочинением Илья Сергеевич ознакомился как с традиционными работами, так и новыми исследованиями в области гоголеведения. Это позволило ему понять глубину поставленных писателем философских проблем и уяснить аксиологию художественного мира классика. Кроме того, дипломное сочинение потребовало обращения к методическим работам как общего плана, так и конкретным разработкам.

Структура и содержание ВКР соответствуют поставленным цели и задачам исследования. Выпускник проявил поисковые навыки, необходимые аналитические качества и умение сконцентрироваться на проблематике исследования.

Об использовании ИИ-генерации в работе руководитель уведомлена. Применение технологии использовалось исключительно для формирования списка научной и методической литературы.

Представленная к защите выпускная квалификационная работа на тему «Философская проблематика “Петербургских повестей” Н.В. Гоголя (материалы к внеурочной деятельности в старшей школе)» удовлетворяет требованиям, предъявляемым к выпускной квалификационной работе бакалавра, и заслуживает положительной оценки.

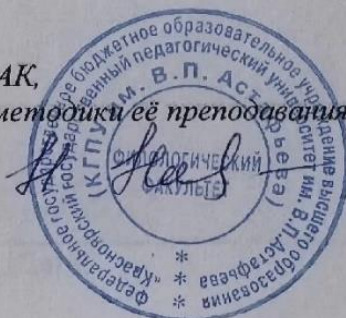
Рекомендация научного руководителя

Рекомендую допустить ВКР к защите

Научный руководитель:

Нелли Александровна Новоселова,
кандидат филологических наук, доцент ВАК,
доцент кафедры мировой литературы и методики её преподавания
филологического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

15.06.2026

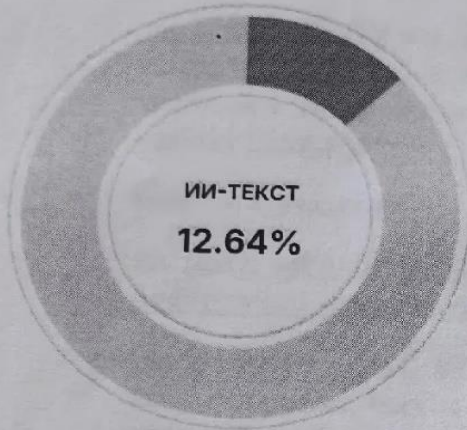
Автор: Алексейцев Илья Сергеевич

Документ: Философская проблематика "Петербургских повестей" Н.В. Гоголя (материалы к внеурочной деятельности в старшей школе)

Организация: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Дата проверки: 20.06.2026, 14:33:27

Проверяющий: Вальянов Никита Александрович

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	89.45%
СОВПАДЕНИЯ	0.73%
ЦИТИРОВАНИЯ	9.82%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%
ИИ-ТЕКСТ	12.64%

МАСКИРОВКИ

Не обнаружены

ИИ-ТЕКСТ

Обнаружен ИИ-текст

Подробности по QR-code

ПРОВЕРИЛ

Новоселова Н. А.

20.06.2026

(ФИО)

(Дата)

(Подпись)

Согласие

на размещение текста выпускной квалификационной работы обучающегося
в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева

Я, Алексейцев Илья Сергеевич

(фамилия, имя, отчество)

разрешаю КГПУ им. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до общего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной профессиональной образовательной программы выпускную квалификационную работу бакалавра

(нужное подчеркнуть)

на тему: «Философская проблематика “Петербургских повестей” Н.В. Гоголя (материалы к внеурочной деятельности в старшей школе)»

(далее ВКР) в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева, расположенной по адресу <http://elib.kspu.ru>, таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на ВКР.

Я подтверждаю, что ВКР написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает интеллектуальных прав иных лиц.

15.06.2026

